

Giorgio Agamben

A che punto siamo?
L'epidemia come politica

Джорджо Агамбен

**Куда мы пришли?
Эпидемия как политика**

Перевод с итальянского Вячеслава Данилова

НООКРАТИЯ

Москва

2022

УДК 323

ББК 66.3

A23

Giorgio Agamben

A che punto siamo?

Nuova edizione accresciuta

Перевод с итальянского Вячеслава Данилова

Джорджо Агамбен

A23 Куда мы пришли? Эпидемия как политика. —

М.: Независимое издательство «Ноократия», 2022. — 144 с.

Книга выдающегося итальянского философа Джорджо Агамбена «Куда мы пришли? Эпидемия как политика» представляет собой сборник эссе, заметок, интервью и выступлений на тему пандемии COVID-19 и введенного в связи с ней в Италии чрезвычайного положения. Автор осмысливает моральные и политические последствия изменений, происходящих в европейской цивилизации. По мнению Агамбена, итальянское общество принесло свою свободу в жертву соображениям мнимой безопасности и тем самым обрекло себя на жизнь в состоянии постоянного страха за «голое биологическое существование, которое нужно сохранить любой ценой».

*Выражаем огромную благодарность Александру Шибанову
и Валентине Парлато за помощь в издании книги.*

УДК 323

ББК 66.3

© 2021 Quodlibet Srl

© Данилов В., перевод, 2022

© Независимое издательство «Ноократия», издание на русском языке, 2022

Содержание

Предуведомление	7
1. Изобретение эпидемии	11
2. Заражение	14
3. Разъяснения	17
4. Куда мы пришли?	20
5. Размышления о чуме	23
6. Эпидемия показывает, как положение стало нормой	25
7. Социальное дистанцирование	30
8. Один вопрос	33
9. Голая жизнь	37
10. Новые размышления	41
11. Об истине и лжи	45
12. Медицина как религия	48
13. Биобезопасность и политика	54
14. Polemos epidemios	58
15. Реквием по студентам	71
16. Закон и жизнь	74

17. Два печально известных слова	77
18. Что такое страх?	81
19. Исключительное положение и положение чрезвычайное	89
20. О времени грядущем	93
21. Коммунистический капитализм	95
22. Гея и Хтония	97
23. Философия касания	105
24. Произвол и необходимость	108
25. Война и мир	110
26. Голая жизнь и вакцина	113
27. Лицо и смерть	116
28. Граждане второго сорта	120
29. Зеленый пропуск	122
30. Люди и лемминги	124
31. Два имени	126
32. Сообщество в обществе	128
33. Выступление в Сенате	129
34. Выступление на студенческой конференции против green pass в Ca' Sagredo, Венеция	133
Примечания	141

Предуведомление

Корабль тонет, а мы обсуждаем его груз.

Преподобный Иероним

Я собрал здесь тексты, написанные мною в течение нескольких месяцев чрезвычайного положения в сфере здравоохранения. Это заметки на конкретные темы, иногда очень короткие, в которых я попытался осмыслить моральные и политические последствия так называемой пандемии и в то же время определить направление трансформации политической парадигмы, благодаря которой приводились в действие исключительные меры.

Спустя полтора года после того, как было объявлено чрезвычайное положение, пришло время рассмотреть события, свидетелями которых мы стали, уже в более широкой исторической перспективе. Если власти, управляющие миром, решили использовать предлог пандемии — на данный момент неважно, реальной или вымышленной, — чтобы сверху донизу изменить парадигму управления людьми и вещами, это означает, что данная модель в их представлении находилась в прогрессирующем, неуклонном упадке и больше не отвечала новым потребностям. Перед лицом кризиса, потрясшего империю в III веке, Диоклетиан и затем Константин провели радикальные реформы административных, военных и экономических структур, кульминацией которых стало византийское самодержавие. Точно так же сейчас правящие круги решили без сожаления отказаться от парадигмы буржуазной демократии (с правами, парламентами и конституциями) и заменить ее новым аппаратом, контуры

которого пока едва видны. На самом деле эти контуры, вероятно, не совсем ясны даже тем, кто их набрасывает.

Однако определяет Великую трансформацию, которую они стремятся навязать, то, что инструментом, который сделал ее формально возможной, является не новый свод законов, а чрезвычайное положение, то есть непосредственное приостановление действия конституционных гарантий. Здесь нынешняя трансформация похожа на то, что произошло в Германии в 1933 году, когда новый канцлер Адольф Гитлер, не отменяя формально Веймарскую конституцию, объявил чрезвычайное положение, которое длилось двенадцать лет и фактически аннулировало конституцию, которая формально оставалась в силе. Если для реализации подобного в нацистской Германии было необходимо развертывание очевидно тоталитарного идеологического аппарата, то трансформация, свидетелями которой мы являемся, осуществляется за счет внедрения непосредственного санитарного террора и провозглашения здравоохранения своего рода религией. То, что в традициях буржуазных демократий когда-то было правом гражданина на здравоохранение, превращается, и люди этого не замечают, в юридически-религиозное требование, которое должно выполняться любой ценой. У нас было достаточно времени, чтобы оценить на себе стоимость этого требования, и, скорее всего, нам предстоит снова испытать подобное, когда власти сочтут это необходимым.

Так называемая биобезопасность — это государственный инструмент, который является результатом соединения новой религии здоровья и государственной власти с чрезвычайным положением. На сегодняшний день этот инструмент, вероятно, является самым эффективным в истории Запада.

Опыт показывает, что, если существует угроза здоровью, люди готовы принять такие ограничения свобод, о которых они и не могли подумать ни во времена двух мировых войн, ни при тоталитарных диктатурах. Чрезвычайное положение, действие которого продлено до 31 декабря 2021 года, запомнится как самая длительная приостановка законности в истории Италии, осуществленная без каких-либо возражений со стороны граждан и, прежде всего, уполномоченных институтов. После Китая наша страна стала для Запада лабораторией, где в самой экстремальной форме была опробована новая государственная технология. И вполне вероятно, что, когда будущие историки объяснят, что на самом деле было поставлено на карту во время пандемии, этот период покажется одним из самых позорных моментов в истории Италии, а те, кто руководил ею, — безответственными лицами, лишенными последних остатков совести.

Если правовым и политическим аппаратом Великой трансформации является чрезвычайное положение, а религиозным — наука, то в общественном плане эта трансформация полагается на эффективность цифровых технологий, которые, как теперь очевидно, образуют единую систему с «социальным дистанцированием», определяющим новую структуру отношений между людьми. Отношения между людьми должны будут по возможности избегать физического присутствия и происходить, как это уже часто наблюдается, с помощью все более эффективных и всепроникающих цифровых устройств. Новая форма социальных отношений — это коммуникация, а те, у кого нет связи, как правило, исключаются из всех отношений и обречены на маргинальность.

Но то, что является сильной стороной реализующейся трансформации, также, как это часто бывает, является ее слабой стороной. Развертывание санитарного террора потребовало слаженной и безукоризненной работы аппарата СМИ, который будет нелегко сохранить в целостности и сохранности. Медицинская религия, как и все религии, имеет свои ереси и своих критиков, и авторитетные голоса уже поставили под сомнение реальность и серьезность эпидемии, которая не может бесконечно поддерживаться ежедневным распространением цифр, лишенных какого-либо научного подтверждения. И вполне вероятно, что первыми об этом узнают сами правящие круги, которые, если бы не считали, что им угрожает опасность, наверняка не стали бы прибегать к столь крайне бесчеловечным мерам. Уже на протяжении нескольких десятилетий наблюдается прогрессирующая утрата легитимности институциональных властей, которую они смогли остановить только благодаря объявлению перманентного чрезвычайного положения и порождаемой ею потребности в безопасности. Но насколько долго и за счет чего именно окажется возможным продление текущего чрезвычайного положения? Несомненно одно, а именно то, что потребуются новые формы сопротивления, которым должны всецело посвятить себя те, кто не готов отказаться от идеи будущей политики. Политики, которая не будет носить ни форму устаревших буржуазных демократий, ни форму технологически-санитарной диктатуры, грядущей им на смену.

1. Изобретение эпидемии

il Manifesto, 26 февраля 2020 г.

После того как мы столкнулись с безумными, иррациональными и совершенно необоснованными чрезвычайными мерами, принятыми против так называемой эпидемии коронавируса, мы должны обратиться к декларации Национального исследовательского совета (Consiglio nazionale delle ricerche, CNR). В этой декларации утверждается не только то, что «в Италии нет эпидемии атипичной SARS-CoV-2», но и что «инфекция, согласно эпидемиологическим данным, имеющимся на сегодняшний день и основанным на десятках тысяч случаев, вызывает легкие / средние симптомы (своего рода грипп) в 80–90 % случаев»¹. «В 10–15 % случаев может развиваться пневмония, но в подавляющем большинстве случаев в легкой форме. Подсчитано, что только 4 % пациентов нуждаются в интенсивной терапии»².

Если такова реальная ситуация, то почему средства массовой информации и власти делают все возможное, чтобы распространить состояние паники, провоцируя тем самым настоящее чрезвычайное положение, включающее серьезные ограничения на передвижение и приостановку повседневной жизни в целых регионах страны?

Объяснить такую непропорциональную реакцию могут два фактора. Прежде всего, вновь проявляется тенденция к использованию чрезвычайного положения в качестве нормальной парадигмы управления. Распоряжение, сразу же утвержденное правительством «по соображениям гигиены и общественной безопасности», фактически приводит к настоящей милитаризации «муниципалитетов и районов,

в которых присутствует хотя бы один человек, у которого положительный тест и источник передачи вируса неизвестен, или в которых есть хотя бы один случай, который нельзя отследить вплоть до человека, недавно вернувшегося из района, уже пораженного... вирусом»³. Такое расплывчатое определение позволит быстро распространить чрезвычайное положение на все регионы, поскольку практически невозможно, чтобы другие подобные случаи не появились где-либо еще. Рассмотрим серьезные ограничения свободы, содержащиеся в распоряжении: а) запрет на выезд любых лиц из пострадавшего муниципалитета или района; б) запрет на доступ к пострадавшему муниципалитету или району посторонних лиц; в) запрет на проведение демонстраций или инициатив любого рода, а также любой формы собраний в общественных или частных местах, в том числе культурного, рекреационного, спортивного и религиозного характера, включая закрытые пространства, если они открыты для публичного посещения; г) приостановление оказания образовательных услуг в детских садах и школах всех уровней, закрытие высших учебных заведений и профессиональных курсов, за исключением заочного обучения; д) закрытие для публики музеев и других культурных учреждений и мест, перечисленных в статье 101 Кодекса культурного наследия и ландшафта, в соответствии с законом № 42 от 22 января 2004 года; также приостанавливается действие всех норм, касающихся свободного доступа к этим учреждениям и на их территории; е) приостановка всех образовательных поездок как по Италии, так и за границу; ж) приостановка всех конкурсных процедур и всей деятельности государственных учреждений без ущерба для предоставления основных и коммунальных услуг;

з) применение карантинных мер и активного наблюдения за лицами, имевшими тесные контакты с подтвержденными случаями инфицирования.

Поражает непропорциональная реакция на то, что, согласно CNR, не слишком отличается от обычного гриппа, эпидемия которого вспыхивает у нас каждый год. Как будто в условиях, когда терроризм исчерпан в качестве повода для введения чрезвычайного положения, изобретение эпидемии дает идеальный предлог для распространения чрезвычайных мер сверх всякого предела.

Во-вторых, что не менее тревожно, нужно обратить внимание на состояние неуверенности и страха, которое в последние годы, очевидно, систематически культивируется в сознании людей, — состояние, которое приводит к настоящей склонности впадать в массовую панику, для которой эпидемия становится идеальным предлогом. Можно сказать, что по человечеству прокатилась волна массового страха, вызванная самым микроскопическим существом из всех, и что мировые власти используют ее в своих целях. Таким образом, умышленно во имя безопасности запускается извращенный порочный круг ограничений свобод. Страх, который был создан теми же самыми властями, которые сейчас предпринимают, чтобы удовлетворить его, чрезвычайные меры.

2. Заражение

11 марта 2020 г.

— Мазун! Держи его, держи мазуна!

Алессандро Мандзони, «Обрученные»

Одно из самых бесчеловечных последствий паники, которую всеми способами пытаются распространить в Италии по случаю так называемой эпидемии коронавируса, заключается в самой идее заражения, которая лежит в основе чрезвычайных мер, принятых правительством. Эта идея, чуждая медицине Гиппократа, имеет своего первого невольного предшественника во время чумы, опустошившей некоторые итальянские города между 1500 и 1600 годами. Речь идет о фигуре мазуна, описанной Мандзони сначала в его романе «Обрученные»⁴, а затем и в повести «История позорного столба»⁵. Миланский указ о чуме от 1576 года описывает мазунов следующим образом, одновременно предлагая гражданам доносить на них:

До губернатора дошло известие, что некоторые люди со слабым рвением занимаются благотворительностью, терроризируют и пугают жителей и гостей нашего города Милана и вызывают у них смятение, они размазывают дрянь, которая, как говорят, является вредной и заразной, на двери, замки и углы домов этого города и другие места на территории государства, чтобы распространять чуму среди населения в частных и общественных местах, что приводит к многочисленным неудобствам, а не к незначительным трудностям, среди людей,

главным образом тех, кого легко убедить поверить в такие вещи, то каждый человек должен осознать, какого бы статуса и состояния он ни был, что если в течение сорока дней он укажет человека или людей, которые знают, кто этим занимается, или готовы оказать помощь, или что-то знают об этой наглости, то ему дадут пятьсот скуди...

С учетом некоторых различий последние распоряжения, которые были изданы правительством и, как хотелось бы надеяться (хотя это иллюзия), не будут подтверждены парламентом в установленные сроки в качестве законов, превращают, по сути, каждого человека в потенциального мазуна, точно так же как во время борьбы с терроризмом каждый гражданин рассматривался де-факто и де-юре как потенциальный террорист. Аналогия настолько очевидна, что потенциальный мазун, не исполняющий предписаний, наказывается тюремным заключением. А особенно непривлекательной является фигура здорового или бессимптомного носителя вируса, который заражает множество людей, не давая им возможности от него защититься, как они могли бы защитить себя от очевидно зараженного.

Еще более печальным, чем ограничения свобод, подразумеваемых в этих распоряжениях, является, на мой взгляд, то вырождение отношений между людьми, которому они способствуют. К другим, кем бы они ни были, даже близкими, теперь нельзя подходить, и нельзя к ним прикасаться, между нами должно быть расстояние, которое, по мнению одних, составляет метр, но, согласно последним предположениям так называемых экспертов, должно составлять 4,5 м (откуда эти 50 см?!). Ближнего больше нет.

Возможно, учитывая моральную непоследовательность наших правителей, тот, кто издал эти распоряжения, сделал это под влиянием того же страха, который они намерены внушить другим. Но нетрудно заметить, что ситуация, которую создают эти распоряжения, — это именно то, чего те, кто нами управляет, уже неоднократно пытались добиться: чтобы мы раз и навсегда закрыли университеты и школы и проводили занятия только онлайн, чтобы мы перестали встречаться и разговаривать на политические или культурные темы и обменивались только цифровыми сообщениями, чтобы везде, где это возможно, машины могли исключить любой непосредственный контакт — любое заражение — между людьми.

3. Разъяснения

17 марта 2020 г.

Один итальянский журналист, как это обычно и случается в его профессии, извратил и перевернул мои соображения о моральных противоречиях, в которые ввергла страну, где люди больше не уважают даже мертвых, эпидемия. Точно так же, как не стоит упоминать его имя, не стоит и опровергать очевидные манипуляции. Желающие могут прочитать мой текст «Заражение»⁶ на сайте издательства Quodlibet. Лучше я здесь опубликую другие размышления, которые, несмотря на их ясность, предположительно также будут фальсифицированы.

Страх — плохой советчик, но благодаря ему проявляется многое из того, что мы притворялись, что не видим. Первое, что ясно показывает волна паники, парализовавшая страну, — это то, что наше общество больше не верит ни во что, кроме голой жизни. Очевидно, что итальянцы готовы пожертвовать практически всем — нормальными условиями жизни, социальными отношениями, работой, даже дружбой, привязанностями, религиозными и политическими убеждениями — из риска заболеть, который, по крайней мере сейчас, по статистике, не так уж серьезен. Голая жизнь и страх ее потерять — это не то, что объединяет людей, а то, что ослепляет и разъединяет их. Другие, как и в романе Алессандро Мандзони о чуме, теперь рассматриваются только как потенциальные переносчики заразы, которых нужно избегать любой ценой и от которых нужно держаться на расстоянии не менее метра. Мертвецы — наши мертвецы — не имеют права на похороны, и неясно,

что происходит с трупами наших близких. Ближнего больше нет, и любопытно, что церковь хранит об этом молчание. Что станет с человеческими отношениями в стране, которая привыкает так жить, и кто знает, как долго? И что это за общество, в котором нет других ценностей, кроме выживания?

Другое, не менее опасное, чем первое, обстоятельство, которое выявила эпидемия, заключается в том, что чрезвычайное положение, к которому нас долго приучали власти, действительно стало нормой. В прошлом бывали и более серьезные эпидемии, но никому не приходило в голову объявлять чрезвычайное положение, подобное нынешнему, когда запрещено даже перемещаться с места на место. Люди настолько привыкли жить в условиях вечного кризиса и вечного чрезвычайного положения, что, кажется, не осознают, что их жизнь свелась к исключительно биологическому состоянию и потеряла всякое иное измерение, не только социальное и политическое, но даже человеческое и эмоциональное. Общество, которое живет в условиях перманентного чрезвычайного положения, не может быть свободным. Фактически мы живем в обществе, которое принесло свободу в жертву так называемым соображениям безопасности и обрекло себя на жизнь в вечном состоянии страха и незащитности.

Неудивительно, что говорят о войне с вирусом. Чрезвычайные меры фактически обязывают нас жить в условиях комендантского часа. Но война с невидимым врагом, который может таиться в любом человеке, является самой абсурдной из войн. На самом деле это гражданская война.

Враг не снаружи, он внутри нас.

Страшно не столько или не только настоящее, сколько будущее. Точно так же как войны оставили нам в наследство массу отвратительных технологий, от колючей проволоки до атомных электростанций, вполне вероятно, будут предприняты попытки продолжить, даже после отмены чрезвычайного положения в сфере здравоохранения, эксперименты, которые властям не удавалось ранее завершить: цифровые устройства заменят в школах, университетах и любых общественных местах физическое присутствие, которое будет превентивно ограничено частной сферой и домашними стенами. Другими словами, речь идет не о чем ином, как о непосредственном упразднении всего публичного пространства.

4. Куда мы пришли?

20 марта 2020 г. *

Что значит жить при чрезвычайном положении, при котором мы оказались? Это означает, конечно, оставаться дома, но это также означает не поддаваться панике, которую власти и СМИ распространяют всеми средствами, и помнить, что мазун и возможный переносчик инфекции — это прежде всего наш ближний, которому мы обязаны любовью и поддержкой. Это означает, конечно, оставаться дома, но при этом сохранять здравый смысл и спрашивать, не является ли милитаризованное чрезвычайное положение, объявленное в стране, помимо всего прочего, также способом переложить на граждан очень серьезную ответственность, которую несут власти, за демонтаж системы государственного здравоохранения. Это означает, конечно, не только оставаться дома, но это также означает в полный голос требовать, чтобы вернули ресурсы государственным больницам, ресурсы, которых те были лишены, и напомнить судьям, что разрушение государственной системы здравоохранения является бесконечно большим преступлением, чем выход из дома без соответствующего разрешения.

Наконец, это значит ставить вопрос, что нам делать, когда мы вернемся к нормальной жизни после отмены чрезвычайного положения, потому что страна так или иначе должна вернуться к нормальной жизни, независимо от далеко не единодушного мнения вирусологов и экспертов-самозванцев. Но одно можно

* Материал подготовлен по просьбе издания Corriere della Sera, но затем отвергнут его редакцией.

сказать точно: мы не сможем просто вернуться к прежнему порядку вещей, мы не сможем как прежде притворяться, что не видим той экстремальной ситуации, в которую нас привели религия денег и слепота руководства. Если опыт, который мы получили, окажется полезным, то нам придется заново учиться многому из того, что мы забыли. Прежде всего, нам придется по-другому взглянуть на землю, на которой мы живем, и на города, которые мы населяем. Мы должны будем поставить вопрос, имеет ли смысл, как нам наверняка скажут, снова покупать бесполезные товары, которые, как и раньше, будет навязывать нам реклама, и не было бы лучше, если бы мы могли обеспечить себя хотя бы предметами первой необходимости, вместо того чтобы зависеть во всем, что нам нужно, от супермаркета. Мы должны будем поставить вопрос, насколько оправданно улетать в отпуск в далекие страны и не является ли, возможно, более насущной необходимостью заново научиться жить там, где мы живем, смотреть на населенные нами места более внимательно. Потому что мы, помимо прочего, утратили способность жить. Мы смирились с тем, что наши города и селения превратились в парки развлечений для туристов, и теперь, когда из-за эпидемии туристы исчезли, а города, отказавшиеся от всех других форм жизни, превратились в призрачные не-места, мы должны понять, что это был неправильный выбор, как почти любой выбор, который предлагали нам религия денег и слепота руководства.

Одним словом, мы должны всерьез поставить себе единственный вопрос, который действительно имеет значение: не «откуда мы идем?» или «куда мы направляемся?», как веками повторяли лжефилософы,

а просто «куда мы пришли?». Это вопрос, на который мы должны попытаться ответить, в каком бы состоянии и где бы мы ни находились. И это тот вопрос, на который мы должны отвечать не только своими словами, но и своей жизнью.

5. Размышления о чуме

27 марта 2020 г.

Следующие размышления касаются не эпидемии, а того, что мы можем понять по реакции людей на нее. Речь идет о том, чтобы задуматься, как целый народ с легкостью согласился посчитать себя заразным, изолироваться по домам и отказаться от нормальных условий жизни, трудовых отношений, дружбы, любви и даже религиозных и политических убеждений. Почему никто не протестовал и никто не возмущался, как обычно бывает при подобных обстоятельствах? Гипотеза, которую я хотел бы предложить, заключается в том, что в некотором роде, пусть и бессознательно, чума уже давно к нам пришла и что, очевидно, условия жизни людей уже давно стали такими и внезапного звонка было достаточно, чтобы они проявились таковыми, какими они уже были, то есть невыносимыми, как во время чумы. И это в некотором смысле единственный позитивный факт, который можно извлечь из нынешней ситуации: возможно, что впоследствии люди начнут ставить вопрос о том, а правильно ли они жили.

И о чем мы должны не в меньшей степени задуматься, так это о потребности в религии, которая появляется в данной ситуации. На это намекает терминология, заимствованная из эсхатологического словаря, которая навязчиво употребляет слово «апокалипсис» для описания нынешнего феномена, особенно в американской прессе, и часто прямо указывает на конец света. Как будто религиозная потребность, которую церковь уже не в состоянии удовлетворить, постепенно ищет что-то иное и находит его в том, что стало фактически религией нашего времени, — в науке. Она, как и любая другая

религия, может порождать суеверия и страхи или по крайней мере использоваться для их распространения. Никогда прежде мы не были свидетелями зрелища, типичного для религий во времена кризиса, разнообразных и противоречивых мнений и предписаний, начиная от еретической позиции меньшинства (пусть даже представленного престижными учеными) тех, кто отрицает серьезность явления, и заканчивая господствующим ортодоксальным дискурсом, который утверждает его и тем не менее часто радикально расходится во мнениях о том, как с ним справляться. И, как всегда в таких случаях, некоторым реальным экспертам или самозванцам удастся добиться расположения монарха, который, как и во времена религиозных споров, разделивших христианство, принимает ту или иную сторону в соответствии с собственными интересами и навязывает свои меры.

И вот что еще дает пищу для размышлений — очевидный крах общепринятых убеждений и доктрин. Казалось бы, люди больше ни во что не верят, за исключением голого биологического существования, которое нужно сохранить любой ценой. Но только тирания, только чудовищный Левиафан с разящим мечом может быть основан на страхе потерять жизнь.

Поэтому, как только чрезвычайное положение, чума, будет отменено, если это вообще случится, я не верю, что можно будет вернуться к прежней жизни, по крайней мере тем, кто сохранил минимальное здравомыслие. И это, пожалуй, самое отчаянное, что можно сегодня наблюдать, даже если, как говорится, «только из глубины отчаяния может родиться надежда».

6. Эпидемия показывает, как чрезвычайное положение стало нормой

Интервью, данное Николя Трюонгу для Le Monde. 28 марта 2020 г.

В тексте, опубликованном в il Manifesto, вы написали, что пандемия COVID-19 была «так называемой эпидемией», чем-то вроде обычного гриппа. Учитывая количество жертв и скорость распространения вируса, особенно в Италии, сожалеете ли вы об этих словах?

Я не вирусолог и не врач, и в статье, о которой идет речь, я просто дословно цитировал мнение Национального исследовательского совета на тот момент (около месяца назад). Более того, на видео, которое может посмотреть любой желающий, Вольфганг Водарг, который был председателем Комитета по здравоохранению Парламентской ассамблеи Совета Европы, заходит гораздо дальше и говорит, что сегодня мы измеряем не частоту заболевания, вызванного вирусом, а активность специалистов, которые делают его предметом своих исследований. Но в мои намерения не входит вступать в дискуссию между учеными по поводу эпидемии — меня интересуют чрезвычайно серьезные моральные и политические ее последствия.

«...В условиях, когда терроризм исчерпан в качестве повода для введения чрезвычайного положения, изобретение эпидемии дает идеальный предлог для распространения чрезвычайных мер сверх всякого предела». В каком смысле «изобретение»? Разве терроризм и эпидемия не могут привести к неприемлемым политическим последствиям и при этом быть вполне реальными?

Говоря об изобретении в политическом контексте, нельзя

забывать, что его не следует понимать в чисто субъективном смысле. Историки знают, что существуют, так сказать, объективные заговоры, которые, похоже, функционируют как таковые, не будучи управляемыми конкретным субъектом. Как уже показал Фуко, власть, использующая парадигму безопасности, не обязательно сама создает чрезвычайное положение, но эксплуатирует его и управляет им, как только оно возникло. Я, конечно, не одинок в своем мнении, что для такой тоталитарной страны, как Китай, эпидемия была идеальным инструментом для проверки ресурсов по изоляции и контролю над целым регионом. И тот факт, что мы в Европе можем ссылаться на Китай как на образец для подражания, говорит лишь о степени политической безответственности, до которой нас довел страх. И следует поставить под сомнение тот довольно подозрительный факт, что китайское правительство заявляет об окончании эпидемии всякий раз, когда считает нужным.

Почему вы считаете, что чрезвычайное положение объявлено неоправданно, если изоляция кажется ученым единственным способом остановить распространение вируса?

В характерной для нашего времени вавилонской мешанине языков каждая группа людей преследует свои особые цели, не принимая во внимание цели других. Для вирусолога врагом, с которым нужно бороться, является вирус, для врача единственной целью является выздоровление, для властей — вопрос управляемости, и вполне возможно, что я делаю то же самое, когда думаю, что цена, которую нужно заплатить, не должна быть слишком высокой. В Европе бывали

гораздо более серьезные эпидемии, но никому не приходило в голову объявить чрезвычайное положение, подобное тому, которое в Италии и Франции практически не дает нам жить. Если принять во внимание тот факт, что болезнь пока затронула лишь менее одного из тысячи жителей Италии, возникает вопрос: что нам ждать, если эпидемия усугубится? Страх — плохой советчик, и я не верю, что превращение нормальной страны в зачумленную местность, где всякий рассматривает ближнего с точки зрения риска заразиться, на самом деле является правильным решением. Ложная логика всегда одна и та же: как перед лицом угрозы терроризма нам было сказано, что необходимы ограничения свобод ради их защиты, так и теперь говорится, что жизнь должна быть поставлена на паузу ради ее защиты.

То есть мы видим, как объявляют перманентное чрезвычайное положение?

Эпидемия с ясностью показала, что чрезвычайное положение, с которым власти хорошо знакомы, стало нормой. Люди настолько привыкли жить в состоянии перманентного кризиса, что, кажется, не осознают, что их жизнь свелась к чисто биологическому существованию, которое утратило не только политическое, но и всякое чисто человеческое измерение. Общество, которое живет в перманентном чрезвычайном положении, не может быть свободным. Сегодня мы живем в обществе, которое принесло свою свободу в жертву так называемым соображениям безопасности и тем самым обрекло себя на жизнь в состоянии постоянного страха и незащищенности.

Что значит, что мы переживаем сегодня «биополитический» кризис?

Современная политика сверху донизу является биополитикой, в которой в конечном счете на карту поставлена биологическая жизнь как таковая. Новым является то, что здоровье становится правовым требованием, которое должно быть исполнено любой ценой.

Почему вы считаете, что проблема заключается не в степени серьезности самой болезни, а именно в крахе всей морали и всей той политики, которую она породила?

Страх заставляет проявиться многие вещи, которые мы якобы совсем не замечали. Первая заключается в том, что наше общество больше не верит ни во что, кроме голой жизни. Для меня очевидно, что итальянцы продемонстрировали готовность пожертвовать практически всем — нормальными условиями жизни, социальными отношениями, работой и даже дружбой, привязанностями, политическими и религиозными убеждениями — из страха заразиться.

Голая жизнь — это не то, что объединяет людей, а скорее то, что ослепляет и разъединяет их. Другие, как во время чумы, описанной Мандзони в его романе, не более чем недоброжелатели, которых нужно держать на расстоянии не менее метра и наказывать, если они подойдут слишком близко. Даже мертвецы — и это настоящее варварство — не имеют права на похороны, и неясно, что происходит с их трупами. Ближнего больше не существует, и на самом деле обескураживает тот факт, что две религии, которые, казалось, управляли Западом, — христианство и капитализм, религия Христа и религия денег — молчат. А как насчет

человеческих отношений в стране, которая привыкнет жить в таких условиях? Что такое общество, которое верит только в выживание?

Удручающее занятие — наблюдать, как целый народ, столкнувшись с неясным риском, массово отказывается от своих моральных и политических ценностей. Когда все это закончится, я не думаю, что он когда-либо сможет вернуться в нормальное состояние.

Каким вы видите мир после эпидемии?

Страшно не столько настоящее, сколько будущее. Точно так же как войны оставили нам в наследство массу отвратительных технологий, вполне вероятно, что после отмены чрезвычайного положения в сфере здравоохранения будут предприняты попытки продолжить эксперименты, которые властям не удавалось ранее завершить: чтобы закрыли университеты для студентов, а все занятия проводились только онлайн, чтобы люди перестали встречаться и обсуждать политические или культурные вопросы и везде, где это возможно, цифровые устройства заменили любой непосредственный контакт — любое заражение — между людьми.

7. Социальное дистанцирование

6 апреля 2020 г.

*Неизвестно, где поджидает нас смерть; так
будем же ожидать ее всюду. Размышлять
о смерти — значит размышлять о свободе.
Кто научился умирать, тот разучился быть
рабом. Готовность умереть избавляет нас
от всякого подчинения и принуждения.*

Мишель де Монтень

Поскольку история учит нас, что всякое социальное явление имеет или может иметь политические последствия, мы должны внимательно отнестись к новому понятию, которое вошло в политический словарь Запада, — «социальное дистанцирование». Хотя этот термин, вероятно, был взят в качестве эвфемизма для использовавшегося до сей поры неприятного термина «изоляция», нам придется выяснить, каким может быть политический порядок, основанный на социальном дистанцировании. Этот вопрос тем более актуален, что речь идет не только о чисто теоретической гипотезе. Если это так, что подтверждается многими источниками, то нынешнее чрезвычайное положение в сфере здравоохранения можно рассматривать как лабораторию, в которой готовятся ожидающие человечество новые политические и социальные решения.

Хотя, как всегда, находится дурачье, которое предполагает, что возникшую ситуацию, безусловно, можно считать положительной и что новые цифровые технологии уже давно

сделали возможным счастливое общение на расстоянии, я не верю, что общество, основанное на «социальном дистанцировании», является гуманным и политически жизнеспособным. В любом случае, независимо от текущих перспектив, мне кажется, что именно над этим вопросом нам следует задуматься.

Первое соображение касается поистине уникального характера явления, порожденного мерами по «социальному дистанцированию». Канетти в своем шедевре «Масса и власть»⁷ определяет массу, на которой основана власть, через инверсию страха прикосновения. Хотя люди обычно боятся прикосновения незнакомца и все дистанции, которые люди устанавливают вокруг, проистекают из этого страха, масса — это единственная ситуация, в которой этот страх обращен в свою противоположность. «...Только в массе человек может освободиться от страха перед прикосновением. <...> Кто отдал себя на волю массы, не боится ее прикосновений. <...> Кто бы на тебя ни напирал, он такой же, как ты сам. Его ощущаешь как самого себя. Вдруг все оказывается происходящим как будто бы внутри одного тела. <...> Массе, следовательно, присуще обращение страха прикосновения. Облегчение, которое по ней распространяется... достигает исключительно высокой степени при ее наибольшей плотности»⁸.

Я не знаю, что Канетти сказал бы о новой феноменологии массы, с которой мы сталкиваемся: предприняла меры социального дистанцирования и впала в панику — это, конечно, масса, но перевернутая масса, так сказать, состоящая из индивидуумов, которые любой ценой держатся на расстоянии друг от друга. Масса теперь уже, следовательно, не плотная, а разреженная, но она по-

прежнему остается массой, если она, как указывает Канетти чуть ниже, определяется своей однородностью и пассивностью, в том смысле, что «действительно свободное движение кажется в ней невозможным» и «она ждет отрубленную голову, которую ей покажут»⁹.

Через несколько страниц Канетти описывает массу, которая образуется запретом: «...собравшись вместе, люди больше не хотят делать то, что они до сих пор делали поодиночке. Запрет внезапен, они налагают его на самих себя. <...> Во всяком случае, действует он с огромной силой. В нем есть безусловность приказа, но решающую роль играет его негативный характер»¹⁰.

Важно не упускать из виду, что общество, основанное на социальном дистанцировании, не станет, как можно наивно полагать, до крайности индивидуалистичным: напротив, оно останется таким же, каким мы видим его сегодня вокруг нас, — разреженной массой, основанной на запрете, но именно поэтому особенно однородной и пассивной.

8. Один вопрос

13 апреля 2020 г.

...С появлением чумы... все больше начало распространяться беззаконие.

<...> Жертвовать собою ради прекрасной цели никто уже не желал, так как не знал, не умрет ли, прежде чем успеет достичь ее.

Фукидид, «История. Книга вторая»

Я хотел бы обсудить с вами один вопрос, который не дает мне покоя уже больше месяца. Как могло случиться, что целая страна, сама того не сознавая, рухнула морально и политически перед лицом болезни? Слова, которые я использовал, чтобы сформулировать этот вопрос, были мною тщательно подобраны. Мера отречения от собственных моральных и политических принципов на самом деле очень проста: речь идет о том, каков предел, за которым человек не желает от них отречься. Полагаю, что читатель, который не сочтет за труд самостоятельно рассмотреть следующие пункты, должен будет согласиться с тем, что (мы даже на самом деле не заметили или только сделали вид, что не заметили) порог, отделяющий человечество от варварства, уже был пройден.

1) Первый пункт, возможно самый серьезный, касается тел погибших. Как мы могли согласиться с тем — лишь только во избежание неясного риска, — что наши близкие и вообще люди не только будут умирать в одиночестве, но и, чего никогда раньше не происходило в истории со времен Антигоны и вплоть до сегодняшнего дня, что их трупы сжигались без церемонии похорон?

2) Затем мы без лишних хлопот — лишь только во избежание неясного *риска* — приняли решение ограничить нашу свободу передвижения до такой степени, которой никогда раньше не было в истории страны, даже во время двух мировых войн (комендантский час во время войны был ограничен определенным временным интервалом). Затем мы согласились — лишь только во избежание неясного *риска* — приостановить наши дружеские и любовные отношения, так как наш ближний, возможно, стал источником заразы.

3) Это произошло — и здесь мы касаемся корня явления, — потому что мы разделили единство нашего жизненного опыта, который всегда неразрывно телесен и духовен одновременно, на чисто биологическую сущность с одной стороны и на аффективную и культурную жизнь — с другой. Иван Иллич указал (а Дэвид Кейли недавно о том же напомнил) на ответственность современной медицины за этот раскол, который воспринимается как само собой разумеющееся и который на самом деле является величайшей из абстракций. Я прекрасно понимаю, что эта абстракция была достигнута современной наукой с помощью реанимационной аппаратуры, которая может поддерживать организм в состоянии чистой вегетативной жизни.

Но если нынешние условия выйдут за рамки соответствующих им пространственно-временных границ, что мы и видим сегодня, и станут своего рода принципом социального поведения, то мы можем впасть в неизбежные противоречия. Я знаю, что кто-то поспешит ответить, что эти условия имеют временное ограничение, после чего все вернется на круги своя. Поистине странно, что кто-то может всерьез

в это верить, поскольку те же самые власти, которые объявили чрезвычайное положение, не устают напоминать нам о том, что, когда оно закончится, те же самые распоряжения должны продолжать соблюдаться и что так называемое социальное дистанцирование, используя эвфемизм, станет новым принципом организации общества. И в любом случае то, что мы согласились пережить, из благих намерений или нет, не может быть отменено.

Поскольку я призвал каждого из нас к ответственности, я не могу не упомянуть о еще более серьезных обязательствах со стороны тех, кто в особенности должен был заботиться о человеческом достоинстве. Прежде всего, церковь, ставшая служанкой науки, которая сейчас стала истинной религией нашего времени, радикально отказалась от своих важнейших принципов. Церковь при папе по имени Франциск забыла, что святой Франциск обнимал прокаженных. Она забыла, что одно из проявлений милосердия — навещать больных. Она забыла, как учили мученики, что нужно жертвовать жизнью, а не верой и что отречься от ближнего — значит отречься от веры.

Другая категория лиц, которая не справилась со своими обязанностями, — это юристы. Мы давно привыкли к безрассудному применению чрезвычайных распоряжений, посредством которых исполнительная власть заменяет законодательную, упраздняя определяющий демократию принцип разделения властей. Но в данном случае все границы оказались перейдены, и складывается впечатление, что слова премьер-министра и главы службы гражданской обороны, как если бы они были сказаны *фюрером*, сразу же превратились в закон. И трудно понять, как, исчерпав срок действия

распоряжений о чрезвычайном положении, ограничения свободы могут быть, как нам заявляют, сохранены. Какими правовыми средствами? За счет перманентного чрезвычайного положения? Задача юристов — следить, чтобы соблюдались конституционные нормы, но юристы хранят молчание. Почему юристы молчат о том, что их касается?

Я знаю, что всегда найдется кто-то, кто возразит, что жертва, сколь бы тяжелой она ни была, была принесена во имя нравственных принципов. Я хотел бы ему напомнить, что Эйхман неустанно повторял (по-видимому, из лучших побуждений), что все, что он сделал, он сделал согласно своей совести, повинуюсь тому, что он считал принципами кантианской морали. Норма, которая гласит, что нужно отречься от добра ради спасения добра, так же лжива и противоречива, как и норма, которая ради защиты свободы навязывает отказ от свободы.

9. Голая жизнь

Интервью, данное Ивару Экману для «Шведского общественного радио». 19 апреля 2020 г.

Как вы полагаете, можно ли считать ограничения, налагаемые на социальную жизнь, настоящим чрезвычайным положением? Стоит ли ожидать, что они останутся таковыми и после того, как острая фаза текущего кризиса завершится?

История XX века ясно показывает, особенно в контексте прихода к власти нацизма в Германии, что чрезвычайное положение является тем механизмом, который позволяет превращать демократии в тоталитарные государства. В течение многих лет в моей стране, но и не только в моей стране, чрезвычайное положение стало нормальным инструментом управления, и посредством чрезвычайных распоряжений исполнительная власть заменила законодательную, фактически упразднив определяющий демократию принцип разделения властей. Но никогда прежде, даже во времена фашизма и двух мировых войн, ограничения свобод не заходили так далеко: люди не только заперты по домам, лишены всех социальных отношений и сведены к состоянию биологического выживания, но варварство не щадит даже мертвых — люди, умершие в этот период, не имеют права на похороны, а их тела сжигаются. Я знаю, что кто-то поспешит ответить, что эти условия имеют временное ограничение, после чего все вернется на круги своя. Поистине странно, что кто-то может всерьез в это верить, поскольку те же самые власти, которые объявили чрезвычайное положение, не устают напоминать нам о том, что, когда оно закончится, те же самые распоряжения должны

продолжать соблюдаться и что так называемое социальное дистанцирование, используя эвфемизм, станет новым принципом организации общества.

Не могли бы вы разъяснить нашей аудитории понятие «голая жизнь» и то, как оно связано с тем, что сегодня творится?

Вы спрашиваете меня о голой жизни. Дело в том, что описанное мною произошло, потому что мы разделили единство нашего жизненного опыта, который всегда неразрывно телесен и духовен одновременно, на чисто биологическую сущность с одной стороны («голую жизнь») и на аффективную и культурную жизнь — с другой. Иван Иллич указал на ответственность современной медицины за этот раскол, который воспринимается как само собой разумеющееся и который на самом деле является величайшей из абстракций. Я прекрасно понимаю, что эта абстракция была достигнута современной наукой с помощью реанимационной аппаратуры, которая может поддерживать организм в состоянии чистой вегетативной жизни. Но если нынешние условия выйдут за рамки соответствующих им пространственно-временных границ, что мы и видим сегодня, и станут своего рода принципом социального поведения, то мы можем впасть в неизбежные противоречия. Нужно ли напоминать вам, что единственным местом, где люди содержались в состоянии чистой вегетативной жизни, был нацистский лагерь?

Вы относитесь к той категории населения, для которой смертность от вируса, по-видимому, составляет не единицы, а от 10 до 20 %.

Боитесь ли вы встречаться с людьми? Должен ли этот страх определять поведение людей, помимо правил, продиктованных властями?

Риск заражения, во имя которого ограничиваются свободы, ни разу не был указан конкретно. Цифры, которые приводятся, намеренно расплывчаты и даны без какого-либо анализа в отношении ежегодного уровня смертности или конкретных причин смерти, что было бы необходимо, если бы речь действительно шла о науке. Однако я бы предпочел ответить цитатой из Монтеня: «Неизвестно, где поджидает нас смерть; так будем же ожидать ее всюду. Размышлять о смерти — значит размышлять о свободе. Кто научился умирать, тот разучился быть рабом. Готовность умереть избавляет нас от всякого подчинения и принуждения»⁴¹.

*Однако реакция политиков на вирус — различные виды чрезвычайного положения — не является единой. В разных частях света и даже в пределах одной страны вводятся разные модели ограничений на жизнедеятельность и передвижение людей. В Швеции большинство ограничений являются добровольными; наш премьер-министр сказал, что люди должны руководствоваться здравым смыслом (слово, которое он использовал, — *folkvett*, что примерно переводится как «чувство народа»). И люди действительно стараются, но все же многие люди и у нас, и еще больше в соседних странах, где правила еще более строгие, отреагировали резко, обвинив руководство Швеции в безответственности, как будто единственный способ ограничивать людей — это приказы и мобилизация полиции. Это всего лишь один пример, но как вы думаете, есть ли разумный способ справиться с этой угрозой, помимо черно-белого варианта «смерть или диктатура»?*

Можно только предполагать, какие формы примет власть над людьми в ближайшие годы, но то, что можно вывести из текущих экспериментов, далеко не обнадеживает. Италия, как мы могли наблюдать в годы борьбы с терроризмом, является своего рода политической лабораторией, в которой испытываются новые технологии управления. Неудивительно, что сегодня она находится в авангарде развития технологий управления, которые во имя здравоохранения заставляют людей соглашаться на такие условия, которые непосредственно исключают какую бы то ни было политическую жизнь. Италия всегда находится на грани возвращения к фашизму, и есть много признаков того, что сейчас это более, чем просто риск: достаточно сказать, что правительство создало комиссию, которая имеет право решать, какие новости являются правдой, а какие следует считать ложью. Насколько я понимаю, крупные газеты в Италии попросту отказываются публиковать мое мнение.

10. Новые размышления

*Neue Zürcher Zeitung, 27 апреля 2020 г. **

Сегодня широко распространена гипотеза о том, что мы переживаем конец эпохи буржуазных демократий, основанных на правах, парламентах и разделении властей. Ему на смену приходит новый деспотизм, который с точки зрения повсеместного контроля и прекращения всякой политической жизни будет хуже, чем все известные нам до сих пор тоталитаризмы. Американские политологи называют подобное Security State, то есть государством, в котором «по соображениям безопасности» (в данном случае «здравоохранения» — этот термин заставляет вспомнить печально известный Комитет общественного спасения времен якобинского террора) на личные свободы может быть наложено какое угодно ограничение. Более того, в Италии мы уже давно привыкли к правоприменительной практике, основанной на срочных распоряжениях исполнительной власти, которая таким образом подменяет законодательную власть и фактически упраздняет принцип разделения властей, на котором основана демократия. И слежка, осуществляемая с помощью видеокамер, а теперь, как предлагается, и с помощью мобильных телефонов, намного превосходит любую форму контроля, осуществляемого при тоталитарных режимах, таких как фашизм или нацизм.

Все, что нам сообщают в качестве данных о смертности и заражении в результате распространения эпидемии, должно

* Статья основана на тексте интервью, опубликованного в газете La Verità

21 апреля 2020 г.

быть подвергнуто сомнению. По крайней мере, что касается Италии, любой человек, хоть немного разбирающийся в эпистемологии, не может не удивляться тому факту, что все эти месяцы СМИ предоставляли цифры без каких-либо научных критериев, не только не соотнося их с ежегодным уровнем смертности за тот же период, но даже не указывая причину смерти. Я не вирусолог и не врач, но я просто цитирую слово в слово цитаты из официальных источников, которые, безусловно, заслуживают доверия. 23 000 смертей от COVID-19, безусловно, кажутся впечатляющей цифрой и являются таковой. Но если сравнить их с годичной статистикой, то все начинает выглядеть совсем иначе. Несколько недель назад доктор Джан-Карло Бланжардо, руководитель ISTAT (итальянского Национального института статистики), опубликовал статистику смертности за прошлый год: 647 000 смертей (то есть 1772 смерти в день). Если мы подробно рассмотрим причины смертности, то увидим, что последние доступные данные за 2017 год фиксируют 230 000 смертей от сердечно-сосудистых заболеваний, 180 000 смертей от рака и не менее 53 000 смертей от респираторных заболеваний. Но один момент особенно важен и непосредственно касается нас. Цитирую доклад: «В марте 2019 года было зарегистрировано 15 189 смертей от респираторных заболеваний, и 16 220 — годом ранее. Отмечается, что это больше, чем соответствующее число смертей от ковида, 12 352 смерти, о которых сообщалось в марте 2020 года»¹². Но если это правда, а у нас нет причин сомневаться в этом, не желая преуменьшать значение эпидемии, то мы должны поставить вопрос: может ли эпидемия оправдать те меры по ограничению свобод, которые никогда не принимались в истории

нашей страны, даже во время двух мировых войн? В отношении Италии возникает законное сомнение в том, что, сея панику и изолируя людей по домам, предполагалось переложить с властей на население очень серьезную ответственность за развал государственной системы здравоохранения, а также за те серьезные ошибки, которые власти совершили при борьбе с эпидемией в Ломбардии. Что касается остального мира, то я считаю, что каждое государство по-своему использует эпидемическую статистику в своих целях и манипулирует ею в соответствии со своими потребностями. Истинные масштабы эпидемии можно оценить, только сравнивая каждый раз публикуемые данные с ежегодной статистикой смертности с разбивкой по категориям заболеваний.

Еще одно явление, которое не следует упускать из виду, — это роль, которую сыграли врачи и вирусологи в управлении эпидемией. Греческое слово *epidemia* (от *demos* — «народ» как политическое единство) имеет непосредственное политическое значение. Тем более опасно доверять врачам и ученым решения, которые по сути являются моральными и политическими. Хорошо это или нет, но ученые добросовестно преследуют свои цели, которые отождествляются с интересами науки и во имя которых, как убедительно показывает история, они готовы пожертвовать любыми соображениями морали. Мне не нужно напоминать вам, как при нацистах весьма уважаемые ученые руководили евгенической политикой и не стесняясь использовали лагерь для проведения смертельных экспериментов, которые они считали полезными для развития науки и лечения немецких солдат. В данном случае это зрелище особенно обескураживает, поскольку в действительности,

даже если СМИ скрывают, среди ученых нет единого мнения относительно эпидемии. А некоторые из наиболее выдающихся из них, такие как Дидье Рауль, возможно самый выдающийся французский микробиолог, имеют совсем иное мнение о значении эпидемии и эффективности мер изоляции, которые в одном из интервью он назвал средневековым суеверием. Я уже однажды писал, что наука стала религией нашего времени. Аналогию с религией следует воспринимать буквально: богословы утверждали, что не могут дать четкое определение Бога, но от его имени диктовали людям нормы поведения и без колебаний сжигали еретиков; вирусологи признают, что не знают точно, что такое вирус, но от его имени утверждают, что имеют право решать, как должны жить люди.

Если на секунду отвлечься от текущих дел и попытаться взглянуть на ситуацию с точки зрения судьбы человеческого рода на земле, то мне на ум приходят рассуждения великого голландского ученого Луиса Болька. По мнению Болька, для человеческого вида характерно прогрессирующее торможение естественных, жизненно важных процессов адаптации к окружающей среде, которые замещаются гипертрофированным ростом технических средств, предназначенных уже для адаптации окружающей среды к человеку. Если этот процесс переходит определенный предел, то становится контрпродуктивным и ведет к самоуничтожению вида. События, подобные тем, которые мы переживаем, мне кажется, показывают, что эта точка была достигнута и что лекарство, которое должно было излечить наши недуги, рискует привести к еще большему злу.

11. Об истине и лжи

28 апреля 2020 г.

Как и следовало ожидать, Фаза 2 * началась с прямого министерского распоряжения, которым подтверждается более или менее такое же урезание конституционных свобод, которое должно вводиться только посредством закона. Но не менее важным является ограничение права человека, которое не закреплено ни в одной конституции, — права на истину, потребности в слове правды.

Переживаемое нами сейчас — это не просто беспрецедентное манипулирование свободами каждого, это на самом деле еще и масштабная кампания по фальсификации истины. Если люди соглашались на ограничение своих личных свобод, то это происходит потому, что они без всякой проверки принимают за истину данные и мнения, которые предоставляют средства массовой информации. Длительное время реклама приучала нас к дискурсу, который тем более эффективен, чем менее правдив. И длительное время даже политический консенсус не требовал глубокого убеждения, поскольку воспринималось как должное, что в предвыборных речах истина не ставится на кон. Однако то, что сейчас происходит на наших глазах, является чем-то новым хотя бы потому, что в истинности или ложности пассивно воспринимаемого дискурса ставкой является сам наш образ

* Имеется в виду так называемая вторая фаза, когда итальянскими властями предполагалось взять эпидемиологическую ситуацию под контроль и начать возвращение к нормальной жизни (см.: Agamben G. Fase 2 / Una voce. Rubrica di Giorgio Agamben. Quodlibet, 2020). — *Прим. пер.*

жизни, все наше повседневное существование. По этой причине необходимо срочно потребовать представить нам все имеющиеся данные, чтобы верифицировать все, что нам до сих пор предлагали.

Я отнюдь не единственный заметил, что данные об эпидемии представлены в обобщенном виде и без каких-либо научных критериев. С эпистемологической точки зрения очевидно, например, что приводить статистику смертности, не сравнивая ее с ежегодной смертностью за тот же период и не указывая фактическую причину смерти, бессмысленно. Тем не менее именно это нам показывают каждый день, и никто, кажется, этого не замечает. Это тем более удивительно, что данные, которые позволяют провести верификацию, доступны любому желающему, и я уже упоминал ранее здесь доклад президента ISTAT Джан-Карло Бланжардо, который подтверждает, что количество смертей от COVID-19 ниже, чем количество смертей от респираторных заболеваний за предыдущие два года. И все же, каким бы ни был однозначным этот доклад, его могло бы и не быть, а тем временем инфицированный пациент, который умирает от инфаркта или по любой другой причине, также считается умершим от COVID-19. Но почему, даже если факт лжи подтвержден документально, мы продолжаем в нее верить? На самом деле, может быть, ложь оказывается такой устойчивой, потому что, как и реклама, она не утруждает себя сокрытием своей лжи. Как и Первая мировая война, война с вирусом может подкладывать под себя ложные основания.

Человечество вступает в такую фазу своей истории, когда истина сводится к моменту в продвижении лжи. Правда состоит в том, что ложный дискурс должен оставаться истинным даже тогда,

когда его лживость доказана. Таким образом, у нас конфискуют сам язык как место манифестации истины. Теперь мы можем только молча наблюдать продвижение, истинное, потому что реальное, лжи. Вот почему, чтобы остановить это продвижение, каждый должен иметь мужество бескомпромиссно искать самое ценное благо — слово правды.

12. Медицина как религия

2 мая 2020 г.

То, что наука стала религией нашего времени, в которую уверовали люди, уже давно стало очевидным. На современном Западе сосуществовали и в некоторой степени до сих пор сосуществуют три великие системы веры — христианство, капитализм и наука. В истории современности эти три «религии» неизбежно несколько раз переплетались, время от времени вступая в конфликты, а затем различными способами примиряясь, вплоть до постепенного достижения своего рода мирного совместного сосуществования, а то и откровенного сотрудничества во имя общих интересов.

Новым здесь является то, что между наукой и двумя другими «религиями» незаметно для нас разгорелся подспудный непримиримый конфликт. На наших глазах побеждает наука, что беспрецедентным образом переопределяет все стороны нашего существования. Этот конфликт касается не теории или общих принципов, как бывало в прошлом, а, так сказать, культовой практики. Наука, как и всякая религия, организует и упорядочивает свою собственную структуру на самых разных уровнях посредством различных форм. Тонкая разработка строгой догматики на практике соответствует чрезвычайно широкой и всеобъемлющей сфере культа, которая совпадает с тем, что мы называем техникой.

Поэтому неудивительно, что главной героиней этой новой религиозной войны оказалась та ветвь науки, где догматика менее строга, а сильнее выражена прагматика, — это медицина, непосредственным объектом которой является тело живого человека. Давайте попытаемся зафиксировать

основные характеристики этой победоносной веры, с существованием которой нам придется все чаще считаться.

1) Первая характеристика заключается в том, что медицина, как и капитализм, не нуждается в особой догме, а непосредственно заимствует свои фундаментальные понятия из биологии. Однако, в отличие от биологии, она формулирует эти понятия в гностическо-манихейском смысле, то есть в соответствии с крайне дуалистическим противопоставлением. Существуют злой бог, или злокачественный принцип, болезнь, чьими специфическими служителями являются бактерии и вирусы, и доброе божество, или благотворный принцип, которым является не здоровье, а исцеление, служителями культа которого являются врачи и терапия. Как и во всяком гностицизме, эти два принципа четко разделены, но на практике они могут друг друга загрязнять: и благотворный принцип, и врач, который представляет его, может ошибаться и сотрудничать бессознательно со своим врагом, что ни коим образом не отменяет реальности дуализма и необходимости отправления культа, посредством которого благотворный принцип борется с врагом. И примечательно, что теологи, которые должны определять стратегию борьбы в нашем случае, являются представителями науки, а именно вирусологии, которая также не имеет своего места, а находится на границе между биологией и медициной.

2) Если до сих пор эта культовая практика, как и всякая литургия, была эпизодической и ограниченной во времени, то неожиданно, как мы сами смогли убедиться, она стала перманентной и всеобъемлющей. Речь уже не идет о принятии лекарств, медосмотре или операции, когда это необходимо: теперь вся жизнь человека должна стать местом непрерывного

отправления культа. Враг, то есть вирус, присутствует всегда, и с ним необходимо непрерывно безжалостно бороться. Подобные тоталитарные тенденции знала и христианская религия, но они касались лишь немногих людей, в основном монахов, которые решили посвятить все свое существование требованию «непрестанной молитвы» (1 Фес. 5:17). Медицина как религия присваивает эту заповедь святого Павла и в то же время ее извращает: если раньше монахи собирались в монастырях для совместной молитвы, то теперь поклонение должно практиковаться столь же усердно, но люди должны держаться друг от друга подальше.

3) Культовая практика больше не является добровольной и свободной, ограниченной только санкциями духовного порядка, но должна стать обязательной и законодательно подкрепленной. Сговор между религией и светской властью, конечно же, не нов; новизна заключается в том, что он больше не касается, как это было в случае с ересями, исповедания догм, он касается исключительно отправления культа. Светская власть должна обеспечить, чтобы литургия медицинской религии, которая сейчас совпадает со всей жизнью, пунктуально соблюдалась на практике. Сразу же бросается в глаза то, что это культовая практика, а не рациональная, научно обоснованная потребность. Безусловно, наиболее частой причиной смертей в нашей стране являются сердечно-сосудистые заболевания, и известно, что их численность могла бы быть ниже, если бы люди вели более здоровый образ жизни и придерживались определенной диеты. Но ни одному врачу не приходило в голову, чтобы тот образ жизни и вид диеты, которые они рекомендуют пациентам, стал предметом правового регулирования, чтобы *ex lege* определялось, что нужно

есть и как нужно жить, и все наше существование превращалось в обязанность быть здоровыми. Именно так и было сделано, и, по крайней мере на данный момент, люди все приняли как должное отказ от свободы передвижения, работы, дружбы, любви, социальных отношений, религиозных и политических убеждений.

Мы видим, как две другие религии Запада — религия Христа и религия денег — сдали свое первенство, как кажется без борьбы, медицине и науке. Церковь самым непосредственным образом отказалась от своих принципов, забыв о том, что святой, имя которого принял нынешний понтифик, целовал прокаженных, что одним из проявлений милосердия было навещать больных, что таинства могут совершаться только в присутствии. Капитализм, со своей стороны, хотя и не без некоторого недовольства, но смирился с производственными потерями и решил пока не принимать их во внимание, вероятно в надежде позднее договориться с новой религией, которая, похоже, в этом вопросе готова пойти на компромисс.

4) Медицинская религия без колебаний перехватила у христианства апелляцию к эсхатологии, которую та оставила. Уже капитализм, секуляризовав богословскую парадигму спасения, отбросил идею конца времен, заменив его состоянием перманентного кризиса, без искупления и без конца. *Krisis* — исходно медицинское понятие, которое в Корпусе Гиппократов обозначало момент врачебного решения относительно того, переживет ли пациент болезнь. Теологи присвоили этот термин, чтобы назвать им окончательное решение, которое примет суд последнего дня. Если взглянуть на чрезвычайное положение, в котором мы находимся, то можно утверждать, что медицинская религия сочетает

в себе вечный кризис капитализма с христианской идеей последних времен, eschaton, в котором окончательное решение находится в стадии непрерывного принятия, а конец одновременно ускоряется и откладывается, в непрестанной попытке управлять им, но никогда не наступает раз и навсегда. Это религия мира, который ощущает, что находится в конце времен, но не в состоянии, как Гиппократов врач, решить, выживет он или умрет.

5) Подобно капитализму и в отличие от христианства, медицинская религия не предлагает перспективы спасения и искупления. Напротив, исцеление, которого она стремится достичь, может быть только временным, так как злой бог, вирус, не может быть устранен раз и навсегда, напротив, он постоянно изменяется и принимает новые, вероятно более опасные, формы. Эпидемия, как следует из этимологии термина, — это прежде всего политическое понятие, которое вот-вот станет основанием новой мировой политики — или не-политики. Не исключено, что эпидемия, которую мы переживаем, является воплощением мировой гражданской войны *, которая, по мнению самых осторожных политологов, пришла на смену традиционным мировым войнам. Все нации и все народы теперь постоянно воюют сами с собой, потому что невидимый и неуловимый враг, с которым они воюют, находится внутри нас.

* В тексте опущено замечание, опубликованное в колонке на сайте Quodlibet.

Агамбен поясняет: «...demos — по-гречески „народ“ как политическое тело, а polemos epidemios Гомер называет гражданскую войну» (Agamben G. La medicina come religione / Una voce. Rubrica di Giorgio Agamben. Quodlibet, 2020). — *Прим. пер.*

Как уже неоднократно происходило на протяжении всей истории, философам вновь придется вступить в конфликт с религией, но теперь уже не с христианством, а с наукой или тем ее направлением, которое приняло форму религии. Я не знаю, загорятся ли снова костры и будут ли составляться списки запрещенных книг, но, конечно, мысли тех, кто будет продолжать искать правду и отвергать власть лжи, будут, как это уже происходит на наших глазах, замалчиваться, а их самих подвергнут обвинению в распространении ложных новостей (новостей, а не идей, потому что новости важнее реальности!). Как и во всех чрезвычайных ситуациях, реальных или сфабрикованных, мы снова увидим, как невежды клеветают на философов и как негодяи пытаются нажиться на несчастьях, которые они сами же и вызвали. Все это уже произошло и будет происходить снова, но те, кто свидетельствует об истине, не перестанут этого делать, потому что никто не свидетельствует за свидетеля.

13. Биобезопасность и политика

11 мая 2020 г.

Что особенно бросается в глаза в реакции на чрезвычайные меры, принятые в нашей стране (и не только в ней), так это массовая неспособность понимать их вне непосредственного контекста, в котором они только, как может показаться, и действуют. Редко кто, как того требует серьезный политический анализ, пытается интерпретировать их как симптом и признак более широкого эксперимента, в котором на карту поставлена новая парадигма управления людьми и вещами. Тогда как в опубликованной уже семь лет назад книге, которую теперь стоит внимательно перечитать (Zylberman P. *Tempêtes microbiennes*. Gallimard, 2013), Патрик Зильберман описал процесс, согласно которому санитарная безопасность, ранее находившаяся на периферии политической жизни, становится неотъемлемой частью национальных и международных политических стратегий. Речь идет не о чем ином, как о подготовке своего рода «санитарного террора» в качестве инструмента управления тем, что определяется как *worst case scenario*, наихудший сценарий развития событий. Именно по этой логике наихудшего сценария уже в 2005 году Всемирная организация здравоохранения объявила, что «грядет от 2 до 150 миллионов смертей от птичьего гриппа», предложив политическую стратегию, которую государственные власти тогда еще не были готовы принять. Зильберман показывает, что предложенный список мер включал три пункта: 1) подготовку на основе оценок возможного риска фиктивного сценария, при котором данные представляются таким

образом, чтобы поощрять поведение, позволяющее управлять экстремальной ситуацией; 2) принятие логики наихудшего сценария в качестве режима политической рациональности; 3) комплексную организацию тел граждан таким образом, чтобы максимально усилить доверие институтам власти, порождая своего рода гражданскую сверхответственность, при которой налагаемые обязательства представляются как свидетельство альтруизма, а сам гражданин уже не то чтобы имеет право на здоровье (health safety), а становится юридически обязанным быть здоровым (biosecurity).

То, о чем Зильберман писал в 2013 году, теперь наступило. Очевидно, что, помимо чрезвычайного положения, вызванного распространением определенного вируса, который в будущем может уступить место другому, речь идет о разработке парадигмы управления, эффективность которой намного превышает эффективность всех форм управления, до сих пор известных политической истории Запада. Если уже сейчас, в условиях постепенного упадка идеологий и политических убеждений, соображения безопасности позволили гражданам принять ограничения свобод, с которыми они ранее не стали бы мириться, то биобезопасность оказалась способной представить абсолютное прекращение всей политической жизни и всех общественных отношений как высшую форму гражданского участия. Таким образом, мы наблюдаем парадокс, когда левые организации, традиционно отстаивающие права и осуждающие нарушения конституции, безоговорочно приняли ограничения свобод, незаконно установленные министерскими распоряжениями, о которых даже фашисты не мечтали.

Совершенно очевидно — и сами государственные органы

не устанут напоминать нам об этом, — что так называемое социальное дистанцирование станет моделью политики, которая нас ожидает, и что (как заявили представители так называемой рабочей группы, члены которой находятся в вопиющем конфликте интересов с функцией, которую они должны выполнять) они воспользуются этим дистанцированием, чтобы повсеместно заменить цифровыми техническими решениями все физические формы человеческих отношений, которые попали под подозрение в риске заражения (политической заразой, конечно). Университетские лекции, как уже рекомендовало Министерство просвещения, университетов и научных исследований (MIUR), будут проводиться со следующего года только онлайн. Люди перестанут узнавать друг друга в лицо, поскольку лицо будет закрыто маской ради сохранения здоровья. Мы станем общаться посредством цифровых устройств, умеющих распознавать биологические данные, которыми мы будем обязаны делиться. А любые «собрания», политические или просто дружеские, будут по-прежнему запрещены.

Речь идет о полноценном переопределении судьбы человеческого рода в перспективе, которая, как кажется, в существенной степени взяла на вооружение у дряхлеющих религий апокалипсическую идею конца света. Но после того, как на смену политике пришла экономика, теперь и она также должна быть интегрирована в новую парадигму, которой требует биобезопасность и ради которой придется пожертвовать всеми другими требованиями. Закономерно поставить вопрос: можно ли еще такое общество продолжать считать человеческим или утрату

непосредственного общения, лица, дружбы, любви действительно можно компенсировать абстрактной и, предположительно, абсолютно фиктивной безопасностью для здоровья?

14. Polemos epidemios

*Интервью, данное Димитре Пулиопулу для греческого журнала *Babylonia*.
20 мая 2020 г.*

I

Эпидемии сопровождали историю человечества с незапамятных времен, вызывая общественные катаклизмы. Недавняя эпидемия коронавируса войдет в историю, похоже, не столько своей смертоносностью по сравнению с другими эпидемиями, сколько беспрецедентной глобальной мобилизацией для борьбы с ней. О том, что будет дальше, написано уже много. Считаете ли вы, что эта эпидемия станет переломом для социальной реальности и что мы будем говорить об эпохе до и после коронавируса?

Прежде всего, я должен сказать о стране, положение которой мне известно, то есть об Италии. Не следует забывать, что Италия с конца 1960-х годов была лабораторией, в которой разрабатывались новые методы управления перед лицом терроризма, и возможно, что сегодня она выполняет ту же функцию в отношении чрезвычайной ситуации в области здравоохранения.

Эпидемия, как показывает этимология греческого термина *demos*, обозначающего народ как политическое тело, является прежде всего политическим понятием. *Polemos epidemios* у Гомера означает гражданскую войну. Сегодня мы ясно видим, что эпидемия становится новой сферой политики, полем битвы всемирной гражданской войны, ведь ясно, что гражданская война — это война против внутреннего врага, врага, живущего внутри нас.

Мы переживаем конец эпохи в политической истории Запада —

конец буржуазных демократий, основанных на конституциях, правах, парламентах и разделении властей. Эта модель уже давно переживала кризис, конституционные принципы все чаще игнорировались, а исполнительная власть почти полностью заменила законодательную, которую она осуществляла, как и сейчас, исключительно через распоряжения. Во время так называемой пандемии был сделан еще один шаг, в том смысле, что то, что американские политологи называют Security State, государством безопасности, основанном на борьбе терроризмом, теперь уступило место парадигме управления, которую мы можем назвать биобезопасностью, основанной на сохранении здоровья. Важно понимать, что биобезопасность потенциально превосходит по эффективности и всеобъемлемости все известные нам формы управления людьми. Как мы видели в Италии, но и не только в Италии, стоит возникнуть угрозе здоровью, люди без раздумий соглашались на ограничение своих свобод, на что они никогда бы не пошли в прошлом. Это привело к парадоксу: прекращение всех социальных отношений и политической деятельности представляется как образцовая форма гражданского участия.

Достаточно всего одного примера, чтобы показать, насколько глубоко политическая парадигма демократии была преобразована режимом биобезопасности. В буржуазных демократиях каждый гражданин имел «право на здоровье»; сейчас это *право* без ведома людей превращается в юридическую *обязанность* в отношении собственного здоровья, которая должна быть исполнена любой ценой. И то, насколько высока эта цена, видно по беспрецедентным чрезвычайным мерам,

на которые пришлось пойти гражданам.

II

Благодаря случавшимся ранее кризисам все государства уже оказались на институциональном уровне подготовлены к пандемии. Меры, которые ранее были опробованы в качестве экспериментальных, теперь приобрели глобальный масштаб. Понятие войны широко используется в случае нынешней пандемии. Однако вы говорите о гражданской войне, полагая, что враг находится внутри нас, а не снаружи. Что из карантинного режима, на ваш взгляд, скорее всего, сохранится в будущем? Считаете ли вы, что эпидемия может стать почвой для выработки новых авторитарных политических догматов?

Парадигма биобезопасности не является временной. Экономическая деятельность возобновится и уже возобновляется, а действие мер, ограничивающих по крайней мере передвижение, в значительной степени сохранится. Что точно останется, так это «социальное дистанцирование». Необходимо задуматься над этой необычной формулой, которая появилась одновременно во всем мире, как будто ее подготовили заранее. В формуле говорится не о «физической» или «персональной» дистанции, что было бы нормально, если бы речь шла, например, о медицинском приборе, а о «социальном дистанцировании». Нельзя выразить яснее, что это новая парадигма организации общества, то есть по сути политическое устройство. Но что такое общество, основанное на дистанцировании? Можно ли назвать такое общество политическим? Какие отношения могут быть установлены между людьми, которые вынуждены держаться на расстоянии одного метра друг от друга и лица которых закрыты маской?

Конечно, дистанцирования удалось достичь почти без труда, потому что оно уже в каком-то смысле существовало. Цифровые устройства уже давно приучили к виртуальным отношениям на расстоянии. Эпидемия и техника здесь оказались неразрывно переплетены. И вряд ли стоит удивляться тому, что руководитель рабочей группы, назначенной итальянским правительством для борьбы с последствиями эпидемии, является руководителем одной из крупнейших сетей цифровой связи и что он сразу же заявил, что внедрение 5G поможет избежать любой возможности заражения, то есть контакта, между людьми. Люди теперь будут узнавать друг друга не глядя на лица, которые могут быть закрыты медицинской маской, а с помощью цифровых устройств, которые будут распознавать биологические данные, взятые заранее, и любые «собрания» — любопытный термин для описания встречи нескольких человек — будут по-прежнему запрещены, независимо от того, собрались ли люди из-за политики или просто потому, что друзья.

III

В книге «Ното Сасер. Суверенная власть и голая жизнь»¹³ вы утверждаете, что государство Нового времени намечает линию, на которой демаркируется точка, когда власть над жизнью превращается во власть над смертью, а биополитика — в танатополитику. Именно здесь суверен действует в тесном сотрудничестве с юристом, врачом, ученым и священником. Сегодня медицина может предоставить властям возможность или иллюзию суверенитета, что влияет как на политическое, так и на моральное. Подчинение жизни статистике неизбежно приводит к логике, согласно которой жизнь не стоит того, чтобы быть прожитой,

а политическое тело превращается в биологическое. Недавно в одной из своих статей вы фактически указали, что в западном мире Нового времени три «религии» (христианство, капитализм и наука) сосуществовали и взаимодействовали, тогда как сегодня конфликт между наукой и двумя другими религиями разгорелся вновь и закончился победой науки. Как вы оцениваете положение ученых и самой медицины при текущем кризисе и как это связано с отпращиванием власти?

Нельзя недооценивать существенную роль, которую сыграли наука и медицина в формировании парадигмы биобезопасности. Как я предположил в статье, которую вы цитировали, они смогли выполнить эту функцию не потому, что они являются строгими науками, а потому, что они действовали как своего рода религия, чьим божеством является голая жизнь. Иван Иллич, возможно самый острый критик современности, показал, как растущая медиализация тела глубоко изменила опыт, который каждый человек имеет по отношению к своему телу и своей жизни. Невозможно понять, почему люди согласились на чрезвычайные меры, не принимая во внимание эту трансформацию. Произошло так, что единство жизненного опыта человека, который всегда неразрывно телесен и духовен, разделилось на чисто биологическую сущность с одной стороны и социальное, культурное и политическое существование — с другой. Этот разрыв — абстракция, но абстракция сильная, и вирус ясно показал, что люди верят в эту абстракцию и приносят ей в жертву свои нормальные условия жизни, свои социальные отношения, свои политические и религиозные убеждения и даже свою дружбу и любовь.

Я сказал, что расщепление жизни — это абстракция, но вы знаете, что современная медицина примерно в середине XX века достигла этой абстракции благодаря реанимационным устройствам, которые позволили поддерживать человеческое тело в состоянии чистой вегетативной жизни в течение длительного времени. Реанимационная камера, с ее механизмами искусственного дыхания и кровообращения и технологиями поддержания гомеотермии, благодаря которым человеческое тело находится в неопределенном состоянии между жизнью и смертью, — все это темная область, которую нельзя оставлять строго только в пределах медицинских границ. Однако при пандемии произошло то, что это искусственно подвешенное между жизнью и смертью тело стало новой политической парадигмой, в соответствии с которой граждане должны регулировать свое поведение. Поддержание любой ценой голой жизни, абстрагированной от социальной, является наиболее ярким фактом нового культа, установленного медициной в качестве религии.

IV

*Ваша концепция чрезвычайного положения и того, как структурируется при нем власть, была подвергнута критике за пессимизм. Дело в том, что, согласно вашей теории, в современных капиталистических демократиях мы все потенциально являемся *homines sacri*, а чрезвычайное положение создает контекст, в котором суверенитет становится непреодолимым условием, которому общество вряд ли может сопротивляться. Мы хотели бы услышать ваши комментарий по этому поводу. И еще, как вы думаете, каковы пределы сопротивления*

в нынешней ситуации и могут ли появиться новые?

Пессимизм и оптимизм — это психологические категории, не имеющие ничего общего с политическим анализом, и те, кто их использует, лишь демонстрируют свою неспособность мыслить. Симона Вейль, чья мысль о смене политических категорий в Новое время является образцом, в серии статей 30-х годов предостерегала от тех, кто, столкнувшись с подъемом фашизма в Европе, подогревал себя пустыми ожиданиями и словами, потерявшими смысл. Я считаю, что сегодня мы должны серьезно поставить вопрос, не утратили ли некоторые слова, которые мы продолжаем использовать, такие как «демократия», «законодательная власть», «выборы», «конституция», свой первоначальный смысл.

Только если мы сможем ясно разглядеть новые формы деспотизма, пришедшие на смену тому, что обозначалось этими словами, нам удастся определить новые формы сопротивления, чтобы с ним бороться.

V

В последние годы проблема беженцев стала одной из главных гуманитарных проблем. Перемещение населения в нынешних условиях можно сравнить исторически, по крайней мере в количественном отношении, с тем, что произошло после двух мировых войн. И Греция, и Италия, в силу своего геополитического положения, остро переживают проблему насильственной экспатриации больших масс населения с востока на запад. В одном из своих текстов, озаглавленном «За пределами прав человека»¹⁴, вы указываете, что декларации прав — это место, где происходит переход от суверенитета божественного происхождения к национальному суверенитету, то есть

основанному на факте рождения (латинское *patio* означает «рождение»). Таким образом, жизнь интегрируется в сферу государственного суверенитета. Превращение субъекта в гражданина означает превращение голей естественной жизни (рождения) в тело, которое включает в себя и обосновывает суверенитет. Принцип рождения и принцип суверенитета, разделенные при *Ancien Régime*, теперь бесповоротно объединены и составляют основу нового национального государства. Таким образом, мы сталкиваемся с отождествлением рождения с нацией, в то время как доступ к праву может быть положен человеку только с момента его регистрации в качестве гражданина в рамках государственного суверенитета. Беженец представляет собой точку разрыва между рождением и гражданством, разрывает идентификацию между человеком и гражданином и тем самым создает кризис в господствующем нарративе, в триптихе «государство — нация — территория». Сегодня европейская стратегия в отношении беженцев осуществляется с помощью военных окриков, причем такие страны, как Греция, Турция и Ливия, используются в качестве хранилища душ. В упомянутом выше тексте вы подчеркиваете настоятельную необходимость пересмотра концепции гражданства в Европе, что позволит осуществить плавную интеграцию этих групп населения. Мы хотели бы получить ваш комментарий по этому поводу.

В тексте, который вы упомянули, я попытался, следуя по стопам статьи Ханны Арендт «Мы, беженцы»¹⁵, противопоставить фигуру беженца и гражданина как основополагающую политическую парадигму. Нужно поставить под сомнение смысл Декларации прав человека и гражданина 1789 года и ее возрождение в XX веке, с ее двусмысленным различием-идентификацией между человеком и гражданином. И как Арендт писала, что беженцы на самом деле являются авангардом своего народа, так и я предложил заменить беженца на гражданина в качестве основы нового горизонта

политики, значение которой теперь очевидно. Понятие гражданства, которое начиная с Афин и вплоть до Нового времени находилось в центре политической жизни города, в последние десятилетия постепенно лишалось реального политического содержания. Под влиянием биополитики, а затем с установлением парадигмы безопасности гражданство выражало все более пассивное состояние, объект растущего и всепроникающего контроля.

Вместе с установлением новой парадигмы биобезопасности, что мы сейчас и наблюдаем, понятие гражданства полностью изменилось, и гражданин стал пассивным объектом заботы, контроля и подпал под всевозможные подозрения. Пандемия, вне всякого сомнения, показала, что гражданин сведен к его голому биологическому существованию. Таким образом, гражданин стал ближе к беженцу, почти слившись с ним. Беженец теперь стал частью тела самого гражданина. Таким образом, разворачивается новая гражданская война, в которой враг, подобно вирусу, находится внутри самого организма. И, как это обычно бывает, когда воюющие друг с другом люди становятся слишком похожими, гражданская война становится еще более ожесточенной и беспощадной.

VI

Вызванная эпидемией экстремальная ситуация создала атмосферу паники. Источником ее являлись в основном национальные государства и в меньшей мере международные организации, которые не понимали, что делать. Глобализация, а также неспособность суверена узаконить основы своей власти, повлиявшая на индивидов и общество, казалось, существенно

ограничили политическую роль национальных государств, возведя рынок в ранг единственного регулирующего фактора. Но сегодня перед лицом эпидемии идея политического лидерства вновь окрепла, и государственные руководители представляют себя не иначе как спасителями общества, что мы и наблюдаем в Греции. Каким, по вашему мнению, будет состояние национального государства после пандемии?

Мои археологические исследования истории западной политики показали, что система, которую она устанавливает, всегда биполярна. В своей знаменитой книге Карл Поланьи ¹⁶ показал, что уже во времена первой промышленной революции идеология рынка, которая, казалось бы, находилась в оппозиции к государственной власти, на самом деле работала в тандеме с ней, и только благодаря этому скрытому сотрудничеству она смогла осуществить Великую трансформацию западного общества. В каждую эпоху государственная власть всегда сосуществовала с новыми силами, утверждавшимися внутри или вне ее, и это так же верно в отношении дуализма между мирской и духовной властью в Средние века, как и в отношении антагонизма между рабочими движениями и государством в XX веке. Когда мы сегодня говорим о глобализации, огромных территориях и о грядущем закате национального государства, мы не должны забывать, что эта кажущаяся противоположность приведет к трансформации государственной власти, но не к ее упразднению. Биполярная система, определяющая западную политику, продолжит функционировать в новых формах. Пандемия ясно показала, что глобальная стратегия, как та, что предусмотрена Всемирной организацией здравоохранения и Биллом Гейтсом, эманацией которого,

по сути, является ВОЗ, безусловно, не может быть реализована без решительного вмешательства национальных государств. Они единственные могут принять, как они это и сделали, принудительные меры, необходимые для реализации этой стратегии. Эпидемия, которая всегда относится к определенному demos, таким образом вписывается в пандемию, в которой demos — это уже не определенное политическое тело, а биополитическая популяция.

VII

В немецкоязычной прессе недавно развернулась дискуссия о том, какая форма правления лучше справилась с пандемией — демократия или деспотия. Аристотелевский вопрос об оптимальной государственной форме, ответ на который долгое время был ясен в связи с триумфальным господством либеральной демократии, потихоньку возвращается. Будет ли оспаривание либерального глобализованного статус-кво осуществляться через авторитарные и централизованные сети или есть перспектива воссоздания демократической политики за пределами государства и рынка?

Тот факт, что тоталитарное государство может быть приведено в качестве модели для победы над эпидемией, показывает, как далеко может зайти политическая безответственность. Ошибка здесь заключается не в том, чтобы поднимать вопрос о том, является ли демократическая система неадекватной. Хайдеггер в другом контексте уже не бесосновательно ставил вопрос, является ли демократия подходящей политической формой перед лицом всепроникающей техники. Ошибка заключается в представлении альтернативы между демократией

и деспотией. Необходимо изобрести другую форму политики, такую, которая избежит вечного колебания, которое мы наблюдаем уже несколько десятилетий, между демократией, вырождающейся в деспотизм, и тоталитаризмом, принимающим внешне демократические формы. Мы уже знаем благодаря Токвилю, что демократия имеет тенденцию вырождаться в деспотизм, и внимательному наблюдателю трудно решить, живем ли мы сегодня в Европе в условиях демократии, которая принимает все более деспотические формы контроля, или в тоталитарном государстве, маскирующемся под демократию. Именно за их пределами и будет формироваться политика будущего.

VIII

В своих последних заявлениях вы выступили с критикой государственной власти за те меры, которые она применила в борьбе с пандемией. В частности, вы критиковали введение мер по запрету и отмене многих общественных мероприятий. Однако эти меры также были встречены с явной настороженностью, если не сказать враждебностью, и со стороны значительного числа представителей власти. Характерные примеры — Дональд Трамп, Жаир Болсонару, Борис Джонсон, диктаторы, такие как Александр Лукашенко, и, конечно, также многие игроки на международных рынках. Как вы оцениваете это неприятие запретительных мер, выраженное некоторыми представителями международных элит?

Благодаря этому факту также можно оценить степень путаницы, в которую чрезвычайное положение повергло тех, чье сознание должно оставаться ясным, а также степень, в которой противостояние правых и левых полностью

лишилось реального политического содержания. Истина остается истиной независимо от того, говорят ее слева или справа. Если фашист говорит, что $2 + 2 = 4$, это не является аргументом против математики. Так, недавно в Германии крайне левое движение, многозначительно названное Demokratischer Widerstand («Демократическое сопротивление») и справедливо протестующее против нарушений конституционных свобод, подверглось яростным нападкам со стороны СМИ, поскольку разделяло протест с крайне правыми. Один из печатных органов господствующей системы, Der Spiegel, взял у меня интервью, чтобы узнать мое мнение по этому вопросу, поскольку представители движения непосредственно цитировали меня. Когда я сказал им, что не имею никакого отношения к данной организации, но что они имеют полное право выразить свое мнение и что тот факт, что крайне правые имеют такие же претензии, никоим образом не лишает их обоснованности, журналист из Der Spiegel, в соответствии с дурной привычкой этого журнала, просто обрезал мой ответ и опубликовал только первую половину. В таких случаях необходимо проанализировать причины, по которым упомянутые вами политические лидеры исповедуют то, а не иное мнение, и изучить стратегии, с помощью которых идея, которая сама по себе верна, не подвергаясь сомнениям, используется.

15. Реквием по студентам

24 мая 2020 г.

Как мы и предсказывали, занятия в университетах будут проводиться со следующего года в режиме онлайн. То, что было очевидно внимательному наблюдателю, а именно то, что так называемая пандемия будет использоваться в качестве предлога для все более широкого распространения цифровых технологий, теперь стало реальностью.

Нас не столько волнует грядущая трансформация преподавания, при которой элемент физического присутствия, во все времена столь важный во взаимоотношениях между студентами и преподавателями, исчезает раз и навсегда. Точно так же, как исчезают и групповые обсуждения на семинарах, которые были самой живой частью обучения. Одним из важных свойств грядущего технологического варварства, с которым мы столкнулись, стало стирание из жизни какого бы то ни было чувственного опыта и утрата лица, навсегда заточенного в спектр экрана.

В том, что ныне творится, гораздо важнее нечто, о чем вообще ничего не говорят, а именно — конец студенческого общежития как формы жизни. Европейские университеты родились из студенческих ассоциаций, *universitates*, и обязаны именно им своим названием. Быть студентом означало прежде всего вести образ жизни, при котором обучение и прослушивание лекций, безусловно, имело важное значение, но не менее важными были встречи и кропотливый обмен мнениями с другими *scholarii*, которые часто приезжали из самых отдаленных мест и собирались в соответствии с местом своего рождения в *nationes*. На протяжении веков этот образ жизни по-разному

менялся, но неизменной, от *clerici vagantes* Средневековья до студенческих движений XX века, являлась социальная составляющая этого явления. Каждый, кто преподавал в университетской лекционной аудитории, прекрасно знает, как прямо на его глазах завязывались дружеские отношения и как в зависимости от общих культурных и политических интересов формировались небольшие учебные и исследовательские группы, которые продолжали существовать и после окончания обучения.

Все это, просуществовав почти десять веков, теперь заканчивается навсегда. Студенты больше не будут жить в городах, где расположены их университеты. Вместо этого они будут слушать лекции, запертые по своим комнатам и иногда отделенные сотнями километров от тех, кто раньше был бы их однокурсниками. С улиц маленьких городов некогда престижных университетов исчезнут группы студентов, которые зачастую были там самым ярким явлением.

Относительно любого умирающего социального феномена можно утверждать, что в определенном смысле он заслуживал своего конца. И, несомненно, наши университеты достигли такой степени коррупции и профессионального невежества, что о них уже невозможно сожалеть, и, следовательно, образ жизни студентов стал таким же выхолощенным. Но есть два пункта, которые отчетливо ясны:

- 1) Преподаватели, которые массово согласились подчиниться новой телематической диктатуре и проводить свои курсы только онлайн, являются абсолютным эквивалентом университетских профессоров, поклявшихся в 1931 году в верности фашистскому режиму. Как случилось и тогда, скорее всего, лишь пятнадцать из тысячи ответят отказом.

Но, безусловно, их имена навсегда запомнят вместе с именами тех, кто отказался присягать фашистам.

2) Студентам, которые действительно хотят учиться, придется отказаться от поступления в таким образом трансформировавшиеся университеты и, как в прошлом, создавать новые universitates. Только там перед лицом технического варварства может выжить слово прошлого и зародиться нечто вроде новой культуры, если еще что-то способно родиться.

16. Закон и жизнь

Июнь 2020 г.

Нынешняя ситуация, когда здоровье человека стало вопросом, поставленным на правовую и политическую карту, заставляет задуматься о том, какими должны быть отношения между правом и жизнью. Великий историк римского права Ян Томас показал, что в римской юриспруденции природа и естественная жизнь человека никогда не входят в право как таковое, но остаются отдельно от него и функционируют лишь как фиктивная предпосылка для конкретной правовой ситуации. Естественный принцип, согласно которому все является общим для всех, а именно что воздух, море и берега исключены из сферы частной собственности, верен только в качестве ограничения: вещь, которая является общей для всех, может немедленно стать *res nullius*, что обосновывает право собственности первого лица, вступившего во владение ею. Аналогичным образом гражданство является неотчуждаемым и неизбежным правовым статусом, который, в отличие от *domicilium*, зависящего от физического проживания в определенном месте, приобретает через *origo*, происхождение, которое, однако, является не естественным фактом рождения, а юридической конструкцией, связанной с местом рождения отца.

Юристы XIX века превратили этот юридический прием в *ius sanguinis*, в котором, как пишет Ян Томас, «мистика крови, которая привела сегодня к господству биологической идеологии, накладывается на то, что было всего лишь фиктивной генеалогической конструкцией»¹⁷. После первых десятилетий XX века право постепенно стало включать жизнь

в себя, делать ее своим специфическим объектом, подлежащим время от времени защите или исключению. Этот захват жизни законом имеет не только положительные стороны, как можно было бы подумать, но и открывает путь к самым крайним опасностям. Как показали исследования Мишеля Фуко, биополитика имеет тенденцию фатально превращаться в танатополитику. Как только право начинает непосредственно рассматривать биологическую жизнь граждан как благо, о котором нужно заботиться и которое нужно развивать, тут же эти интересы принимают мрачный оборот в сторону идеи жизни, которая, как говорится в названии известной работы, опубликованной в Германии в 1920 году, «не заслуживает того, чтобы быть прожитой [lebensunwertes Leben]»⁸.

Всякий раз, когда нечто определяется как ценность, обязательно возникает не-ценность, и обратная сторона здравоохранения — это исключение и устранение всего, что может привести к болезни. Следовало бы задуматься о том, что первым примером законодательства, в котором государство программно взяло на себя ответственность за здоровье своих граждан, была нацистская евгеника. Сразу же после прихода к власти в июле 1933 года Гитлер принял закон о защите немецкого народа от наследственных заболеваний, что привело к созданию специальных комиссий по наследственному здоровью (Erbgesundheitsgerichte), которые приняли решение о принудительной стерилизации 400 000 человек. Менее известно, что задолго до нацизма проведение евгенической политики, щедро финансируемой Институтом Карнеги и Фондом Рокфеллера, планировалось в США, особенно в Калифорнии, и что Гитлер непосредственно ссылаясь на этот пример.

Если здоровье становится объектом государственной политики, преобразованной в биополитику, то оно перестает быть чем-то, что в первую очередь касается свободного решения каждого человека, и становится обязательством, которое должно быть выполнено любой ценой, какой бы высокой она ни была.

Как Ян Томас показал в истории права, что закон и жизнь не следует смешивать, так и право и медицина должны оставаться разделенными. Задача медицины — лечить болезни в соответствии с принципами, которым она следовала на протяжении веков и которые однозначно закреплены клятвой Гиппократа. Если, вступая в безусловно двусмысленный и неявный сговор с властями, медицина вместо этого ставит себя в положение законодателя, то это не только, как мы видели в Италии в связи с пандемией, не приведет к положительным результатам в сфере здравоохранения. Должно быть очевидно, что медицинские основания, которые стоят за данными ограничениями, могут стать идеальным предлогом для введения беспрецедентного контроля над общественной жизнью*.

* Статья в первом издании книги завершается фразой, содержащей цитату из Пауля Целана: «Argumentum e silentio. Говори громче — несказанное слово». —

Прим. пер.

17. Два печально известных слова

10 июля 2020 г.

В полемике вокруг чрезвычайного положения в сфере здравоохранения появились два печально известных слова, которые, очевидно, имели своей единственной целью дискредитировать тех, кто в условиях страха, который парализовал разум, все еще продолжал мыслить, — «негационист» и «заговор».

Не стоит тратить слишком много слов на первое, поскольку, безответственно приравнивая истребление евреев к эпидемии, те, кто так делает, показывают, что они сознательно или неосознанно участвуют в нагнетании антисемитизма, который по-прежнему широко распространен в нашей культуре что справа, что слева. Как справедливо отмечают мои еврейские друзья, было бы целесообразно, чтобы еврейская община высказалась по поводу этого недостойного злоупотребления терминологией.

Однако стоит остановиться на втором термине, что свидетельствует о поистине удивительном незнании истории. Знакомым с историческими исследованиями хорошо известно, как события, которые реконструируют и описывают историки, как правило, являются результатом планов и действий, которые зачастую согласовываются отдельными лицами, группами и фракциями, любыми способами преследующими свои цели.

Среди тысячи возможных примеров можно привести три, каждый из которых ознаменовал конец эпохи и начало нового исторического периода.

В 415 году до н. э. Алкивиад ставит на карту свое имя, богатство и власть, чтобы убедить афинян отправиться в экспедицию на Сицилию, которая впоследствии обернется катастрофой и приведет к окончанию владычества Афин. Со своей стороны, его противники, воспользовавшись тем, что за несколько дней до отъезда экспедиции были изувечены статуи Гермеса, наняли лжесвидетелей и составили против Алкивиада заговор, чтобы приговорить его к смерти за нечестивость.

18 брюмера (9 ноября) 1799 года Наполеон Бонапарт, ранее заявлявший о верности конституции республики, в результате государственного переворота сверг Директорию и объявил себя первым консулом со всей полнотой полномочий, что кладет конец революции. В предыдущие дни Наполеон встречался с Сийесом, Фуше и Люсьеном Бонапартом, чтобы разработать стратегию, которая позволила бы преодолеть ожидаемое противодействие Совета пятисот.

28 октября 1922 года состоялся поход на Рим, в котором приняло участие около 25 000 фашистов. В течение нескольких месяцев, предшествовавших этому событию, Муссолини, который подготовил его вместе с будущими квадрумвирами Де Векки, Де Боно и Бьянки, установил контакты с премьер-министром Фактой, Д'Аннунцио и представителями делового мира (по некоторым данным, даже тайно встретился с королем), чтобы проверить возможность заключения союзов и возможную реакцию. В качестве генеральной репетиции 2 августа фашисты заняли Анкону.

В каждом из трех этих событий отдельные лица, группы или партии действовали решительно для достижения поставленных целей, каждый раз сталкиваясь с более или менее предсказуемыми обстоятельствами и адаптируя к ним

свою стратегию. Конечно, как и в любом деле, случайность играет свою роль, но объяснять историю случайностью бессмысленно, и ни один серьезный историк никогда не делал подобного. Это не значит, что везде нужно искать «заговор». Но, несомненно, называть историков, которые занимаются детальной реконструкцией заговоров, конспирологами — невежество, если не идиотизм.

Поэтому тем более удивительно слышать подобное в такой стране, как Италия, чья новейшая история являет столько примеров интриг, тайных обществ и заговоров разного рода, что историки до сих пор не могут разобраться во многих ключевых событиях последних пятидесяти лет — от теракта на Пьяцца Фонтана в Милане до убийства Альдо Моро. Это тем более очевидно, что сам президент Италии Франческо Коссига в свое время заявлял, что он активно участвовал в одном из подобных тайных обществ, известном как «Гладио».

Что касается пандемии, то серьезные исследования показывают, что она, безусловно, не была неожиданностью. Как сообщается в книге Патрика Зильбермана *Tempêtes microbiennes*, Всемирная организация здравоохранения еще в 2005 году в связи появлением птичьего гриппа предложила сценарий, напоминающий нынешний, посоветовав его властям в качестве способа получить безоговорочную поддержку со стороны граждан. Билл Гейтс, который является главным финансовым спонсором этой организации, неоднократно высказывался о рисках пандемии, которая, по его прогнозам, может привести к миллионам смертей и к которой необходимо подготовиться. Так, в 2019 году американский центр Джонса Хопкинса в рамках исследования, финансируемого Фондом Билла и Мелинды Гейтс, организовал учения по имитации

пандемии коронавируса под названием «Событие 201», в которых приняли участие эксперты и эпидемиологи с целью подготовки скоординированных ответных мер в случае появления нового вируса.

Как всегда в истории, есть люди и организации, которые преследуют свои законные или незаконные цели и всеми средствами пытаются их достичь. Поэтому так важно, если необходимо на самом деле понять, что происходит, знать об этом и принимать подобное во внимание. Таким образом, слова о заговоре ничего не добавляют к реальности фактов. Но называть заговорщиками тех, кто стремится познать исторические события такими, какие они есть, просто позорно.

18. Что такое страх?

13 июля 2020 г.

Что такое страх, которым люди сегодня, похоже, настолько охвачены, что забыли о своих этических, политических и религиозных убеждениях? Это что-то, конечно, знакомое, и все же, если попытаться его определить, кажется, что оно упорно уклоняется от понимания.

В параграфе 30 «Бытия и времени» Хайдеггер дал образцовую трактовку страху как эмоциональной настроенности, настроению. Его можно понять, только если не забывать, что Dasein (это термин, обозначающий экзистенциальную структуру человека) всегда уже располагается в эмоциональной настроенности, что и составляет изначальную открытость Dasein миру. Именно потому, что в эмоциональной ситуации под вопросом находится первоначальная открытость мира, сознание всегда уже им предвосхищено и поэтому не может ни распоряжаться им, ни полагать, что оно может овладеть им по своему желанию. Ведь настроение ни в коем случае нельзя путать с психологическим состоянием, но оно имеет онтологический смысл открытости, которая всегда уже раскрывает человека в его бытии-в-мире и благодаря которой только и возможны переживания, аффекты и знание. «...Рефлексия может столкнуться с переживаниями только потому, что эмоциональная настроенность уже разомкнула Dasein»¹⁹. «Настроение настагает» нас, но «оно не приходит ни „извне“ ни „изнутри“, но вырастает как способ бытия-в-мире из него самого»²⁰. С другой стороны, эта открытость не означает, что то, для чего оно открывается, признается таковым. Напротив, в нем проявляется только

голая фактичность: «Кажет себя чистое „так оно есть“, откуда и куда остаются в темноте»²¹. Поэтому Хайдеггер может сказать, что эмоциональная ситуация открывает Dasein «обнаженным» во «врученности» своего «вот»²². То есть открытость, которая имеет место в эмоциональной настроенности, имеет форму сущего, возвращаемого обратно к чему-то, что не может быть принято и от чего пытаются — без успеха — бежать.

Это проявляется в капризе, скуке или расстройстве, которые, как и любое настроение, раскрывают Dasein «исходнее», но и замыкают его «упрямее чем любым не-восприятием»²³. Так, в расстройстве Dasein слеп «к самому себе, озаботивший окружающий мир замутнен, усмотрение озабочения дезориентировано»²⁴. Тем не менее и здесь Dasein предается открытости, от которой он никак не может освободиться.

Именно на фоне этой онтологии эмоциональных настроенностей должна располагаться трактовка страха. Хайдеггер начинает с рассмотрения трех аспектов этого явления: «перед-чем страха» (Wovor), «устрашенности» (Fürchten) и «о-чем страха» (Worum)²⁵. Объектом перед-чем страха всегда является внутримирное сущее. То, что всегда пугает, какой бы ни была его природа, — это то, что уже дано в мире и что как таковое имеет характер угрозы или вреда. Оно более или менее известно «как такое, с чем не „ладно“»²⁶, оно уже находится в определенной близости, на какой бы дистанции ни было. «Вредоносное как угрожающее еще не в поддающейся овладению близости, но близится. В таком приближении вредоносность излучается издесью имеет свой характер угрозы. <...> Но как приближающееся в близи вредоносное угрожающе, оно может задеть и все

же нет. В приближении возрастает это „может и в итоге все же нет“. <...> ...Вредоносное как близящееся вблизи несет с собой открытую возможность не наступить и пройти мимо, что не уменьшает и не угашает страха, но формирует его»²⁷. (Эта тема, так сказать, «определенной неопределенности», характеризующая страх, появляется и в определении Спинозы: «...страх... есть непостоянное неудовольствие... возникшее из образа сомнительной вещи»²⁸.) Относительно второго аспекта страха, собственно устрашенности, Хайдеггер указывает, что «не сначала где-то фиксируют будущее зло (*malum futurum*), а потом страшно»²⁹, скорее с самого начала приближающееся нечто обнаруживается как страшное. «...Страшась, страх может потом себе, отчетливо вглядываясь, „уяснить“ страшное. Усмотрение видит страшное потому, что находится в расположении страха. Устрашенность как дремлющая возможность расположенного бытия-в-мире, „подверженность страху“, уже разомкнула мир в видах того, что из него может близиться нечто подобное страшному»³⁰. Страх, как изначальная открытость *Dasein*, всегда предшествует всякому определяемому страшному.

Наконец, что касается «о-чем», «за» кого или что страх боится, то под вопросом всегда находится «само страшящееся сущее»³¹, *Dasein*, присутствующий человек. «Лишь сущее, для которого дело в его бытии идет о нем самом, способно страшиться. Страх размыкает это сущее в его угрожаемости, в оставленности на себя самого»³². Тот факт, что человек порой переживает страх за свой «дом», за «добро» или за других, не является возражением против этого диагноза: можно сказать, что «боишься» за других, на самом деле

не испытывая страха, а если и испытываешь страх, то только за себя, поскольку мы боимся, что другой «может быть отнят»³³. Страх в этом смысле является фундаментальным способом эмоциональной расположенности, который открывает человека в его уже обнаженном и находящемся под угрозой существовании. Естественно, что у этой угрозы существуют различные степени и меры: если нечто угрожающее, что находится перед нами со своим «хотя еще нет, но в любой момент», внезапно обрушивается на это существо, «страх становится испугом [Erschrecken]»³⁴; если угроза еще не известна, но имеет характер целиком и полностью незнакомого, то страх становится жутью (Grauen). Если он сам по себе объединяет оба этих аспекта, то страх становится ужасом (Entsetzen). В любом случае, все различные формы этой эмоциональной настроенности показывают, что человек в своей собственной открытости миру конститутивно «подвержен страху»³⁵. Есть еще всего одна, но уже иная эмоциональная настроенность, которую Хайдеггер рассматривает в «Бытии и времени», — это ужас, и именно ужас, а не страх дан в ранге фундаментальной эмоциональной настроенности. Но все же именно по отношению к страху Хайдеггер может определить природу ужаса, отличая прежде всего, «от чего ужасается ужас» и «от чего страшится страх»³⁶. В то время как страх всегда находится в каком-то отношении к чему-то, то «от-чего ужаса не есть внутримирное сущее»³⁷. Угроза, которая здесь возникает, «не имеет характера... вредоносности, задевающей угрожаемое»; более того, «от-чего ужаса совершенно неопределенно»³⁸. «Эта неопределенность не только оставляет фактично нерешенным, какое внутримирное сущее

угрожает, но говорит, что вообще внутримирное сущее тут не „релевантно“»³⁹. То, «от-чего» ужас, — это не нечто, а мир как таковой. Ужас, то есть изначальная открытость мира как мира, и «лишь поскольку ужас подспудно всегда уже определяет бытие-в-мире, последнее как расположено-озаботившееся бытие при „мире“ способно страшиться»⁴⁰. «Страх есть упавший в мир, несобственный и от себя самого как таковой потаенный ужас»⁴¹.

Недаром было замечено, что примат ужаса над страхом, заявленный Хайдеггером, может быть легко обращен: вместо того чтобы определять страх как уменьшенный и обращенный на предметность ужас, можно также на законных основаниях определить ужас как страх, лишенный своего предмета. Если лишить страх его предмета, то он превращается в ужас.

В этом смысле страх был бы фундаментальной эмоциональной расположенностью, в которую человек уже всегда рискует впасть. Отсюда следует и его главное политическое значение, которое заключается в том, как власть, по крайней мере со времен Гоббса, искала в страхе свое основание и оправдание.

Давайте попробуем применить анализ Хайдеггера к нынешней ситуации. Важно, что в перспективе, которая интересует нас здесь, страх всегда относится к «вещи», к внутримирной сущности (в данном случае к мельчайшей из сущностей — вирусу). Внутримирное означает, что вирус утратил всяческое отношение к открытости мира и существует неумолимо фактично, без какой-либо возможной трансцендентности. Если структура бытия-в-мире подразумевает для Хайдеггера трансцендентность и открытость, то именно эта трансцендентность поставляет Dasein в сферу вещного. Бытие-в-мире означает, по сути, быть сооснованным

на том, что открытость мира открывает и заставляет явиться. В то время как животное, лишенное мира, не может воспринимать предмет как предмет, человек, поскольку он открывает себя миру, может иметь дело с вещами как вещами. Отсюда и изначальная возможность страха: именно эта эмоциональная настроенность открывается, когда человек, теряя связь между миром и вещами, оказывается безвозвратно захваченным внутримирными сущностями и не может смириться с «вещью», которая теперь становится угрожающей. Как только его отношения с миром утрачены, «вещь» сама по себе пугает. Страх — это измерение, в которое попадает человечество, когда оно, как и в нынешний момент, неизбежно впадает в вещьность. Пугающее существо, «вещь», которая в фильмах ужасов нападает на человечество и угрожает ему, в этом смысле является лишь воплощением этой неизбежной вещной реальности.

Отсюда и чувство беспомощности, которым определяется страх. Переживающие страх пытаются защитить себя всеми возможными мерами предосторожности от того, что им угрожает (например, надев маску или запершись в помещении), но это их никак не успокаивает, наоборот, делает их бессилие перед «вещью» еще более явным и сильным. В этом смысле страх можно определить как обратную сторону воли к власти: сущностное свойство страха — это воля к бессилию, воля к бессилию перед лицом грозной вещи. Аналогичным образом, чтобы успокоить себя, можно полагаться на кого-то, кто имеет определенные полномочия в этом вопросе, например на врача или сотрудников службы гражданской обороны, но это никоим образом не отменяет ощущение незащищенности, которое сопутствует страху, что конститутивно является волей

к незащищенности, желанием быть незащищенным. И это настолько верно, что те же самые субъекты, которые должны успокаивать, вместо этого сами испытывают неуверенность. И они не устают напоминать, ради блага перепуганных людей, что от того, что пугает, нельзя избавиться раз и навсегда.

Что нам делать с этой фундаментальной эмоциональной настроенностью, в которую человек, как кажется, конститутивно всегда впадает? Поскольку страх предшествует знанию и сознанию и является их предпосылкой, бесполезно пытаться убедить испуганных доказательствами и рациональными аргументами: страх — это прежде всего невозможность доступа к рассуждениям, которые не предполагаются самим страхом. Как пишет Хайдеггер, страх «спутывает и заставляет „терять голову“»⁴². Именно поэтому перед лицом эпидемии публикация достоверных данных и мнений из авторитетных источников систематически игнорировалась и отбрасывалась в пользу других данных и мнений, которые даже не пытались получить научное обоснование.

Учитывая изначальный характер страха, с ним можно справиться только в том случае, если бы можно было получить доступ к столь же изначальному измерению. Такое измерение существует и является открытостью миру, в котором только вещи могут появиться и угрожать нам. Вещи становятся пугающими, потому что мы забываем об их принадлежности миру, который превосходит их всех и в то же время приводит их к присутствию. Единственный способ отделить вещь от страха, от которого она кажется неотделимой, — это помнить об открытости, в которой вещь уже всегда раскрыта

и проявлена. Не мысль, а память — воспоминания о нас самих и нашем бытии в мире — могут вернуть нам доступ к вечности, свободной от страха. Вещь, которая пугает меня, пусть и невидимая для глаз, но, как и все другие внутримирные сущности — как это дерево, эта река, этот человек, — открыта в своем чистом существовании. Только потому, что я уже нахожусь в мире, вещи могут явиться мне и, возможно, напугать меня. Они являются частью моего бытия в мире, и это, а не абстрактно обособленный и неоправданно установленный суверенитет вещи, диктует этические и политические правила моего поведения. Конечно, дерево может сломаться и упасть на меня, река может выйти из берегов и затопить город, человек может неожиданно ударить меня. Но если эта возможность внезапно становится реальной, разумный страх предлагает соответствующие меры предосторожности. Но главное — не впадать в панику и не терять голову, что могло бы позволить другим основать свою власть на моем страхе, и, превратив чрезвычайное положение в устойчивую норму, решать по своему усмотрению, что я могу или не могу сделать, и отменять законы, которые гарантируют мою свободу.

19. Исключительное положение и положение чрезвычайное

30 июля 2020 г.

Один юрист, которого я когда-то уважал, в статье *, только что опубликованной в одной из газет, пытается обосновать аргументами, которые кажутся правовыми, чрезвычайное положение, которое в очередной раз объявило правительство. Скрыто принимая шмиттеанское различие между диктатурой комиссаров, целью которой является сохранение или восстановление действующей конституции, и суверенной диктатурой, целью которой является установление нового порядка, юрист проводит различие между чрезвычайным и исключением (или, точнее, между чрезвычайным и исключительным положением). Этот аргумент фактически не имеет под собой никакой правовой основы, поскольку ни одна конституция не может предполагать ее законный подрыв. Вот почему в своей работе по праву «Политическая теология», содержащей знаменитое определение суверена как того, «кто решает вопрос о чрезвычайном положении», Шмитт ⁴³ говорит просто об *Ausnahmезustand*, «чрезвычайном положении», которое в немецкоязычной теории и даже вне ее утвердилось как технический термин для

* Автор отвечает на статью Густаво Загребельского «Не исключительное положение подрывает демократию, а чрезвычайное» (*La Repubblica*, 28 июля 2020 г.). Густаво Загребельский (1943 г. р.) — известный итальянский правовед, специалист по конституционному праву, член Конституционного суда Итальянской Республики с 1995 по 2004 год. — *Прим. пер.*

определения «ничейной земли» между правовым порядком и политическим фактом, а также между законом и его приостановлением.

Переинтерпретируя главное различие Шмитта, этот юрист утверждает, что исключительное положение консервативно, тогда как чрезвычайное положение чревато новым. «Исключительное положение используется для скорейшего возвращения к нормальной жизни... Чрезвычайное используется для нарушения правил и обоснования нового порядка»⁴⁴. Исключительное положение «предполагает устойчивость системы», «чрезвычайное, напротив, ее распад, который открывает путь к другой системе»⁴⁵.

Это различие, судя по всему, является политическим и социологическим и относится к персональной оценке состояния данной системы, ее устойчивости или распада, а также к намерениям тех, кто имеет право отдавать распоряжение о приостановлении действия закона, что с юридической точки зрения по сути идентично, поскольку в обоих случаях вопрос решается в виде явного и непосредственного приостановления действия конституционных гарантий. Какова бы ни была его цель, относительно которой никто не может быть до конца уверен, существует только одно чрезвычайное положение, и после того, как оно было объявлено, не предусматривается никакого органа, который имел бы право проверить реальность или серьезность условий, которые его вызвали. Неслучайно юристу приходится в какой-то момент написать: «То, что сегодня мы сталкиваемся с чрезвычайной ситуацией в области здравоохранения, мне кажется неоспоримым»⁴⁶. Любопытно, что данное субъективное суждение вынесено тем, кто не может

претендовать на какой-либо авторитет в сфере медицины, и ему, безусловно, можно противопоставить другие, более авторитетные суждения, тем более что автор признает, что «из научного сообщества раздаются несогласные голоса»⁴⁷, и поэтому в конечном счете решение о чрезвычайном положении должно быть принято. Исключительное положение, он продолжает, в отличие от чрезвычайного положения, которое включает в себя неопределенные полномочия, «включает в себя только полномочия, направленные на predeterminedную цель возвращения к нормальной жизни», и тем не менее он пишет сразу же после этого, что такие полномочия «не могут быть определены... заранее»⁴⁸. Не требуется большой правовой культуры, чтобы понять, что с точки зрения приостановления действия конституционных гарантий, которые только и имеют значение, нет никакой разницы между двумя положениями. Аргументация юриста вдвойне уязвима, поскольку она не только вводит в качестве правового различие, которое не является таковым, но и, чтобы любой ценой оправдать объявленное правительством чрезвычайное положение, вынуждена прибегнуть к неподтверждаемым фактам и сомнительным аргументам, которые выходят за рамки его компетенции. И это тем более удивительно, что он должен сам понимать, что в условиях чрезвычайного положения были приостановлены действия конституции и нарушены правовые гарантии, которые никогда не ставились под сомнение, даже во время двух мировых войн и даже фашистами; а то, что это отнюдь не временная ситуация, решительно подтверждается самими властями, которые не устают повторять, что вирус не только не исчез, но может в любое время появиться вновь.

Возможно, остатки интеллектуальной честности заставили юриста в конце сослаться на мнение тех, кто «не без веских оснований утверждает, что, независимо от вируса, весь мир уже более или менее постоянно пребывает в исключительном положении» и что «социально-экономическая система капитализма»⁴⁹ не способна противостоять кризисам с помощью аппарата правового государства. С этой точки зрения он признает, что «пандемия инфекции вируса, которая держит в узде целые народы, — это случайность и непредвиденная возможность, которой воспользовались, чтобы держать под контролем покорное население»⁵⁰. Давайте предложим ему более тщательно подумать о том, в каком состоянии находится народ, среди которого он живет сам, и вспомнить, что юристы — это не просто бюрократы (кем они, к сожалению, уже некоторое время являются), единственной задачей которых является оправдание той системы, в которой они существуют.

20. О времени грядущем

23 ноября 2020 г.

То, что происходит сегодня в планетарном масштабе, безусловно, является концом света. Но не в смысле перехода в мир, более соответствующий новым потребностям человеческого консорциума, как может показаться тем, кто стремится управлять им в соответствии со своими собственными интересами. Эпоха буржуазной демократии, с ее правами, конституциями и парламентами, подходит к концу; но, помимо правовой шелухи, конечно же незначительной, к концу подходит мир, который начался с промышленной революции и пережил две (или три) мировые войны и тоталитаризм, тиранический или демократический, который их сопровождал.

Если силы, которые управляют миром, чувствовали, что им пришлось прибегнуть к таким крайним мерам и диспозитивам, как биобезопасность и санитарный террор, которые они безоговорочно установили повсеместно и которые сейчас угрожают выйти из-под контроля, то это потому, что они, по всей видимости, опасались, что у них не осталось никакого другого выбора, кроме как выживать. И если люди приняли деспотические меры и беспрецедентные ограничения, которым они подверглись без каких-либо гарантий, то это не только из-за страха перед пандемией, но и, предположительно, потому, что более или менее бессознательно они понимали, что мир, в котором они жили до сих пор, не может больше существовать: он был слишком несправедливым и бесчеловечным. Само собой разумеется, что власти готовят еще более бесчеловечный, еще более несправедливый мир; но, в любом случае, как с одной,

так и с другой стороны, это каким-то образом предвещает, что «прежний мир», как мы сейчас начинаем его называть, больше не может существовать. В этом, как и во всяком смутном предчувствии, конечно же, есть религиозный элемент. Здоровье заменило спасение, биологическая жизнь заняла место вечной жизни, и церковь, которая давно привыкла идти на компромисс с мирскими нуждами, более или менее явно дала свое согласие на эту подмену.

Мы не жалеем об этом мире, который заканчивается, у нас нет ностальгии по идее человеческого и божественного, которую неумолимые волны времени стирают, как фигуру из песка, на берегу истории. Но с такой же решимостью мы отвергаем голую, немую и безликую жизнь и религию здоровья, которые предлагают нам власти. Мы не ждем ни нового бога, ни нового человека — скорее мы ищем здесь и сейчас, среди окружающих нас руин, смиренную, более простую форму жизни, которая не является миражом, потому что у нас есть память и опыт, даже если изнутри нас и извне нас враждебные силы снова и снова оттесняют ее в небытие.

21. Коммунистический капитализм

15 декабря 2020 г.

Капитализм, укрепляющийся в планетарном масштабе, — это не капитализм в той форме, которую он принял на Западе: это скорее капитализм в его коммунистическом варианте, сочетающем чрезвычайно быстрое развитие производства с тоталитарным политическим режимом. Таково историческое значение ведущей роли, которую играет Китай, не только в экономическом смысле, но и, как красноречиво показало политическое использование пандемии, в качестве парадигмы управления человечеством. Тот факт, что режимы, созданные в самопровозглашенных коммунистических странах, были особой формой капитализма, особенно подходящей для отсталых в экономическом отношении стран и поэтому классифицированной как государственный капитализм, был прекрасно известен тем, кто умеет учить историю; однако совершенно неожиданным было то, что эта форма капитализма, которая, казалось бы, выполнила свою задачу и, следовательно, устарела, вместо этого была обречена стать в технологически обновленной конфигурации господствующим принципом в нынешней фазе глобализованного капитализма. Не исключено, что сегодня мы являемся свидетелями конфликта между западным капитализмом, который сосуществовал с верховенством права и буржуазными демократиями, и новым коммунистическим капитализмом, из которого последний, похоже, выходит победителем. Однако несомненно, что новый режим объединит самые бесчеловечные черты

капитализма с самыми звериными чертами государственного коммунизма, сочетая крайнее отчуждение отношений между людьми с беспрецедентным социальным контролем.

22. Гея и Хтония

28 декабря 2020 г.

I

В древнегреческом языке у земли есть два названия, соответствующие двум разным, если не противоположным, реальностям, — *ge* (или *gaia*) и *chthon*. Вопреки модной ныне теории, люди живут не только в *gaia*, но в первую очередь имеют отношение к *chthon*, который в некоторых мифических повествованиях принимает облик богини, чье имя *Chthoniè*, Хтония. Так, в теогонии Ферекида Сиросского в начале перечисляются три бога — Зевс, Хронос и Хтония — и добавляется, что «Хтония получила имя Ге, после того как Зевс подарил ей землю [*gen*]». Даже если личность богини остается неясной, Ге здесь по сравнению с ней является второстепенной фигурой, чем-то вроде второго имени Хтонии. Не менее примечательно, что у Гомера люди определяются прилагательным *epichthonioi* (*ctonii*, от *chthon*), в то время как прилагательные *epigaios* или *epigeios* относятся только к растениям и животным.

Дело в том, что *chthon* и *ge* называют два свойства земли, которые геологически противоречат друг другу: *chthon* — это изнанка подземного мира, земля от поверхности вглубь, *ge* — это земля от поверхности вверх, лицо, которым земля поворачивается к небу. Это стратиграфическое разнообразие соответствует разнородности практик и функций: *chthon* нельзя возделывать или питать, он ускользает из оппозиции «город — страна» и не является добром, которым можно обладать; *ge*, с другой стороны, как настойчиво напоминает гомеровский гимн,

«питает все, что хтона выше» (epi chthoni), производит урожай и вещи, которые обогащают человека. Для тех, кого ге удостаивает своей благосклонности:

*Тяжкие гнутся колосья на ниве, на пастбище тучном
Бродит бессчетное стадо, и благами дом его полон.
Сами ж они изобильный красивыми женами город
Правят по добрым законам*⁵¹.

Теогония Ферекида содержит древнейшее свидетельство об отношениях между Ге и Хтоном, между Геей и Хтонией. Фрагмент, сохранившийся у Климента Александрийского, определяет характер их отношений, уточняя, что Зевс вступает в брак с Хтонией и, когда, согласно брачному обряду anakalypteria, невеста снимает вуаль и предстает обнаженной перед женихом, Зевс покрывает ее «большой красивой мантией», в которой «он вышил разными цветами Ге и Oгeно [Океан]». Таким образом, Хтон, подземный мир, — это нечто бездонное, которое не может явить себя в своей наготе, и мантия, которой его покрывает бог, — это не что иное, как Гея, сверхъестественная земля. Фрагмент из текста Порфирия «О пещере нимф» сообщает нам, что Ферекид описывал хтоническое измерение как глубину, «упоминая углубления [mychous], ямы [bothrous], пещеры [antra]», говорит о «дверях [thyras] и вратах [pylas]»⁵², через которые проходят души при рождении и смерти. Земля — это двойная реальность: Хтония — бесформенное и скрытое дно, которое Гея покрывает пестрой вышивкой холмов, цветущих долин, деревень, лесов и стад. В теогонии Гесиода у земли тоже два лица. Гея, «твердая основа всего», является первым порождением Хаоса, но хтонический

элемент вызывается сразу же после и, как и у Ферекида, определяется термином *mychos*: «...сумрачный Тартар, в земных залегающий недрах глубоких [*mychoi chthonos euryodeies*]...»⁵³ Стратиграфическая разница между двумя свойствами земли проявляется наиболее отчетливо в гомеровском гимне Деметре. Уже в начале, когда поэт описывает сцену похищения Персефоны во время сбора цветов, Гея упоминается дважды, в обоих случаях как поверхность цветка, которую земля поворачивает к небу:

*Ирисы, розы срывая, фиалки, шафран, гиацинты,
Также нарциссы, — цветок, из себя порожденный
Землю...
Сотня цветочных головок от корня его поднималась,
Благоуханью его и вверху все широкое небо,
Вся и земля улыбалась...⁵⁴*

Но в тот же миг:

*Раскололась широко
Почва [*chton*] Нисийской равнины, и прянул [*oroussen*]
на конях бессмертных
Гостеприимец-владыка, сын Кроноса многоименный ⁵⁵.*

То, что это движение снизу к поверхности, подчеркивается глаголом *opnuti*, что означает «подниматься» или «прянуть», как будто из хтонической бездны земли на Гее, лице земли, смотрящем в сторону неба, появился бог. Позже, когда Персефона сама рассказывает Деметре о ее похищении, движение меняется на противоположное и именно сама Гея показывается (*gaia d'enerthe koresen*), чтобы «гостеприимец-владыка» мог утащить ее под землю на своей золотой колеснице. Как будто у земли есть

две двери или отверстия — одна открывается из глубин в сторону Геи, а другая ведет из Геи в бездну Хтонию.

На самом деле речь идет не о двух дверях, а об одном пороге, который полностью принадлежит *chthon*. Глагол, который в гимне относится к Гее, не *chaino*, «открыть широко», но *choreo*, что означает просто «освободить место». Гея не открывается, а освобождает место для прохода Прозерпины; сам образ перехода между высоким и низким, из глубины (*profundus: altus et fundus*), близок к хтоническому, и, как напоминает Сивилла Энею, врата Дита в первую очередь обращены в подземный мир (*facilis descensus Averno*). Латинское слово, соответствующее *chthon*, — это не *tellus*, обозначающее горизонтальную поверхность, а *humus*, подразумевающее направление вниз (ср. *humare*, «похоронить»), и примечательно, что из него было взято имя человека (*hominem appellari quia sit humo natus*). Так что человек, *homo*, то есть земной, в классическом мире подразумевает не связь с Геей — с поверхностью земли, смотрящей в небо, — а прежде всего интимную связь с глубиной хтонической сферы.

То, что *chthon* отсылает к образам открытия и прохода, очевидно благодаря прилагательному, которое у Гомера и Гесиода постоянно сопровождает это слово, *euryodeia*, и которое можно перевести как «широкий путь». Но только если не забывать, что *odos* подразумевает идею транзита к месту назначения, в данном случае к миру мертвых, путь, который предначертано пройти всем (возможно, что Вергилий, употребивший *facilis descensus*, вспомнил гомеровскую формулу).

Круглое отверстие под названием *mundus*, которое, согласно легенде, было вырыто Ромулом во время основания Рима, служило для общения мира живых с хтоническим миром мертвых. Отверстие, которое затыкалось камнем под названием

manalis lapis, открывалось три раза в год. И в эти дни, когда говорилось, что мир был открыт, *mundus patet*, и «все тайное и скрытое от глаз отказывалось раскрытым и явленным», почти вся общественная жизнь приостанавливалась. В хрестоматийной статье Вандриес показал, что изначальное значение нашего слова *mondo* не является, как традиционно считается, переводом греческого *kosmos*, а происходит именно от круглой дыры, раскрывающей *mondo* мертвых. Древний город основан на *mondo*, потому что люди живут в проеме, который объединяет небесную и подземную земли, мир живых и мир мертвых, настоящее и прошлое, и именно через отношения между этими двумя мирами становится возможным направлять их действия и находить вдохновение для будущего. Человек связан не только своим именем с хтонической сферой, но и своим миром и самим горизонтом своего существования, граничащим с Хтонией. Человек, в буквальном смысле слова, — это существо из глубины.

II

Хтоническая культура как таковая — это культура этрусская. Всякий, на кого произвело впечатление зрелище некрополей, рассеянных по долинам Тосканы, сразу же понимает, что этруски жили в Хтонии, а не в Гее. И не только потому, что все, что от них осталось, в основном связано с мертвыми, но и прежде всего потому, что места, которые они выбрали для своего обитания (называть их городами, возможно, неправильно), пусть они, видимо, и находятся на поверхности Геи, на самом деле являются *epichthonioi*, они находят себе жилище в вертикальных глубинах *chthon*. Отсюда любовь этрусков к вырезанным в скалах пещерам и углублениям, отсюда и их предпочтение

глубоких оврагов и ущелий, отвесных стен из пеперина, которые спускаются вниз, к рекам и ручьям. Если вы вдруг окажетесь в Кава-Буя возле Блеры или на улицах, вырезанных в скале у Сан-Джулиано, то поймете, что вы уже не на поверхности Геи, а конечно же *ad portam inferi*, в одном из проходов, которые ведут вниз, в Хтонию.

Этот явно подземный характер этрусских территорий, по сравнению с другими частями Италии, можно также выразить, сказав, что то, что мы в данном случае имеем перед взором, на самом деле не является пейзажем. Приветливый, привычный нам пейзаж, который охватывает безмятежно взгляд, простирающийся вплоть до горизонта, принадлежит Гее: в хтонической вертикали всякий пейзаж размывается, всякий горизонт исчезает и оставляет место незримому лицу суровой природы. И здесь, в мятежных канавах и ущельях, мы бы не знали, что делать с пейзажем, эта земля более сурова и неумолима: у врат Дита бог стал настолько близок и мрачен, что не требует больше поклонения.

Именно из-за такой непоколебимой верности хтоническому этруски строили дома для своих умерших и следили за ними с таким усердием, а не наоборот, как можно было бы подумать. Нет, они не любили смерть больше жизни, но жизнь была для них неотделима от глубин Хтонии. Они могли селиться в долинах Геи и возделывать поля, только если они никогда не забывали своей истинной, уходящей вниз обители. По этой причине в гробницах, высеченных в скале, или в курганах нам не только приходится иметь дело с мертвыми, мы не только представляем тела, лежащие в пустых саркофагах, но мы вместе с тем ощущаем шаги, жесты и желания живых людей, которые их построили. Что жизнь тем милее, чем нежнее она хранит в себе

память о Хтонии, что можно построить цивилизацию, никогда не исключая мир мертвых, что между настоящим и прошлым, между живыми и мертвыми существует интенсивное общение и непрерывная преемственность — таково наследие, которое этот народ передал человечеству.

III

В 1979 году британский химик Джеймс Лавлок, активно участвовавший в программах НАСА по исследованию космоса, опубликовал книгу «Гея: новый взгляд на жизнь на Земле»⁵⁶. В основе книги лежит гипотеза из статьи, написанной пятью годами ранее вместе с Линн Маргулис и опубликованной в журнале *Tellus*. Цитата: «Совокупность живых организмов, составляющих биосферу, может действовать как единое целое, регулируя свой химический состав и, возможно, даже климат. Мы называем гипотезой Геи концепцию биосферы как активной системы контроля и адаптации, способной поддерживать гомеостаз Земли»⁵⁷. Выбор термина Гея, который предложил Лавлоку Уильям Голдинг — писатель, мастерски описавший в романе «Повелитель мух» извращенное призвание человечества, — конечно, не случаен: как указывается в статье, авторы определяли границы жизни в атмосфере и были «лишь в меньшей степени заинтересованы во внутренних границах, образованных разделом между внутренними частями земли, не подверженных влиянию поверхностных процессов»⁵⁸. Однако не менее значительным является тот факт, что авторы, по крайней мере в то время, по-видимому, не рассматривали, что опустошение и загрязнение Геи достигло своего наивысшего предела

именно тогда, когда ее обитатели решили черпать энергию, необходимую для все новых растущих потребностей из глубин Хтонии — в виде ископаемых остатков миллионов живых существ, которые жили в далеком прошлом, в виде того, что мы называем нефтью.

По всей видимости, определение границ биосферы поверхностью земли и атмосферой более не актуально: биосфера не может существовать без обмена и «интерфейса» с хтонической танатосферой. Гея и Хтония, живое и мертвое должны мыслиться вместе. То, что произошло в Новое время, — это на самом деле то, что люди забыли свои отношения с хтонической сферой, они больше не населяют Хтон, только Гею. Но чем больше они удаляли из своей жизни сферу смерти, тем более нежизнеспособным становилось их существование; чем больше они теряли всякую связь с глубинами Хтонии, превращая ее, как и все остальное, в объект эксплуатации, тем более прекрасная поверхность Геи отравлялась и разрушалась.

И то, что мы имеем сегодня перед нашими глазами, — это крайний шаг устранения смерти: чтобы спасти свою жизнь от предполагаемой неясной угрозы, люди отказываются от всего, что делает ее достойной прожить. И, в конце концов, Гея, земля без глубины, потерявшая всякую память о подземном мире мертвых, теперь полностью находится во власти страха и смерти. От этого страха могут исцелиться только те, кто восстановит память о своей двойственной обители, кто вспомнит, что человеческой может считаться только та жизнь, в которой Гея и Хтония остаются неразлучно вместе.

23. Философия касания

5 января 2021 г.

Два тела соприкасаются друг с другом. Но что значит «прикоснуться»? Что такое контакт? Джорджио Колли дал пронизательное определение, заявив, что две точки соприкасаются, когда их разделяет только пустота представления. Контакт — это не точка соприкосновения, которая сама по себе не может существовать, потому что любая непрерывная величина может быть разделена. Считается, что две сущности находятся в контакте, когда между ними нельзя вставить посредника, когда их отношения непосредственны. Если две вещи находятся в отношении репрезентации (например, субъект — объект, муж — жена, хозяин — слуга, расстояние — близость), то нельзя сказать, что они находятся в контакте; но если всякая репрезентация прекращается, если между ними нет связи, нет ничего, тогда и только тогда можно сказать, что они находятся в контакте. Это также можно выразить иначе, сказав, что контакт нерепрезентативен, что невозможно представить здесь рассматриваемые отношения — или, как пишет Колли, «контакт, следовательно, является указанием на репрезентативное небытие, на метафизический промежуток»⁵⁹. Изъян этого определения в том, что, поскольку оно прибегает к чисто негативным конструкциям, таким как «небытие» и «нерепрезентативность», оно рискует уйти в мистицизм. Сам Колли уточняет, что о непосредственном контакте можно говорить лишь приблизительно, что репрезентация никогда не может быть полностью устранена.

Чтобы избежать какого-либо риска чрезмерной абстрактности, будет полезно вернуться к исходной точке и снова спросить, что значит «прикоснуться», то есть поставить под вопрос самое простое и непосредственное из чувств, которым является осязание.

Аристотель размышлял об особой природе осязания, которая отличает его от других чувств. Для каждого чувства существует среда (*metaxu*), которая выполняет определяющую функцию: для зрения среда — это прозрачное (*diaphane*), которое, окрасившись цветом, действует на глаза; для слуха — это воздух, который, двигаясь телом звука, поражает ухо. Осязание отличается от других чувств тем, что мы воспринимаем осязаемое не «потому что среда... воздействует на нас», а «вместе [ama] со средой»⁶⁰. Эта середина, которая не является внешней по отношению к нам, но находится в нас, есть плоть (*sarx*). Это означает, что прикасаются не только к внешнему объекту, но и к движущейся или перемещаемой им плоти; другими словами, при контакте мы касаемся нашей собственной чувствительности, на нас влияет наша собственная способность воспринимать. В то время как в поле зрения мы не можем видеть наши глаза, а на слух мы не можем воспринимать нашу способность слышать, при прикосновении мы касаемся нашей собственной способности касаться и быть затронутым. Контакт с другим телом — это вместе с тем и прежде всего контакт с самими собой. Осязание, которое кажется подчиненным другим чувствам, теперь в некотором роде является первым, потому что именно в нем порождается нечто подобное субъекту, который в поле зрения и другими чувствами каким-то образом абстрактно предполагается.

Мы впервые переживаем самих себя, когда, касаясь другого тела, мы соприкасаемся вместе нашей плотью.

Если, как мы извращенно пытаемся сделать сегодня, мы отменим все контакты, если все и вся будет держаться на расстоянии, тогда мы утратим не только опыт других тел, но прежде всего весь непосредственный опыт самих себя, то есть мы попросту утратим вчистую нашу плоть.

24. Произвол и необходимость

12 февраля 2021 г.

Вопрос о том, специально ли власти используют эпидемию для объявления чрезвычайного положения, которое сверх всякой меры укрепляет их полномочия, или же у них нет иного выбора, кроме как объявить чрезвычайное положение, является неуместным. То, что творится сегодня, как и при любом серьезном кризисе в истории, показывает нам, что и то и другое утверждение верно: использование чрезвычайного положения как уловки и невозможность управления иначе, чем через него, — одно и то же. Суверен, действуя абсолютно произвольно, в то же время вынужден непрестанно принимать решение о чрезвычайном положении, которое в конечном счете определяет его природу. Другими словами, эпоха, в которой мы живем, — это эпоха, в которой нелегитимность властей, управляющих землей, проявляется в полном свете: поскольку они потеряли всякую возможность воспроизвести себя в привычном символическом порядке, то они обязаны приостановить действие закона и конституционных принципов, которые могли бы его определить. Чрезвычайное положение становится в этом смысле нормальным состоянием, а те, кто управляет, ни в коем случае не могут управлять иначе. Возможно, существует формальный вариант отмены чрезвычайного положения, но такое правительство национального спасения, которое сейчас формируется, в котором вся оппозиция упраздняется, является идеальным продолжением чрезвычайного положения. Наш диагноз окончательного заката эпохи буржуазной демократии в любом случае подтвержден. Пока неясно, как долго будут длиться

приостановка политики и чрезвычайное положение в качестве парадигмы правления, не принимая иной формы, нежели санитарный террор, на котором оно пока было основано.

25. Война и мир

23 февраля 2021 г.

Необходимо со всей серьезностью относиться к тезису, неоднократно повторявшемуся властями, о том, что все человечество и всякая страна в настоящее время находится в состоянии войны. Само собой разумеется, что такой тезис служит легитимации чрезвычайного положения, с его резкими ограничениями свободы передвижения и абсурдными проявлениями, такими как «комендантский час», которые в противном случае трудно обосновать. Однако связь между полномочиями властей и войной более тесна и основательна. Дело в том, что война — это то, без чего они в долгосрочной перспективе не могут обойтись. В своем романе Толстой противопоставляет мир, в котором люди более или менее свободно следуют своим желаниям, чувствам и мыслям и который кажется ему единственной реальностью, абстракции и лжи войны, в которой все кажется обусловленным неумолимой необходимостью. На фреске Лоренцетти в сиенском Палаццо Публико изображен мирный город, жители которого свободно передвигаются куда хотят и по своим делам, а на переднем плане, держась за руки, танцуют девушки. Хотя фреска традиционно называется «Плоды доброго правления», такое состояние, сотканное как бы из маленьких повседневных событий общественной жизни и желаний каждого жителя, на самом деле является для власти в долгосрочной перспективе неуправляемым. Как бы сильно она ни подвергалась всевозможным ограничениям и контролю, на самом деле по своей природе эта жизнь стремится избежать расчета, планирования и правил — или, по крайней мере,

таков тайный страх властей. То же самое можно выразить и так, что история, без которой власть в конечном счете немыслима, тесно связана с войной, в то время как мирная жизнь по определению лишена истории. Эльза Моранте имела в виду нечто подобное, когда озаглавила свой роман «История» (La Storia)⁶¹: там повествуется о превратностях судьбы простых людей на фоне войн и потрясений XX века.

Именно поэтому власть предержащие, желающие управлять миром, рано или поздно должны прибегнуть к войне, независимо от того, будет ли она настоящей или тщательно смоделированной. А поскольку в состоянии мира человеческая жизнь стремится уйти от любого исторического измерения, неудивительно, что правительства сегодня не устают напоминать нам, что война с вирусом знаменует собой начало новой исторической эпохи, в которой ничто не будет таким, как прежде. И многие из тех, кто завязывает себе глаза, чтобы не видеть ситуацию несвободы, в которую они попали, принимают ее именно потому, что убеждены, не без оттенка гордости, что они вступают — после почти семидесяти лет мирной жизни, то есть без истории, — в новую эру. Даже если, как это слишком очевидно, это будет эпоха рабства и жертв, в которой все, что делает жизнь достойной жизни, должно быть подвергнуто умерщвлению или ограничениям, они охотно подчиняются этому, потому что наивно верят, что таким образом нашли для своей жизни смысл, который неосознанно в мире утратили.

Однако не исключено, что война с вирусом, которая казалась идеальным инструментом, который власти могут дозированно использовать и направлять в соответствии со своими потребностями, и кажется намного проще, чем настоящая

война, в конечном счете, как и любая война, выйдет из-под контроля. И, возможно, в этот момент, если еще не слишком поздно, люди снова будут искать тот неуправляемый мир, от которого они так небрежно отказались.

26. Голая жизнь и вакцина

16 апреля 2021 г.

Несколько раз в своих предыдущих выступлениях здесь я уже упоминал фигуру голой жизни. Мне кажется, что эпидемия неопровержимо доказывает, что человечество больше не верит ни во что, кроме голого существования, которое должно быть сохранено как таковое любой ценой. Христианская религия, с ее добродетелями любви и милосердия и с верой в мученичество, политическая идеология, с ее безоговорочной солидарностью, даже вера в труд и деньги, как кажется, уходят на второй план, как только возникает угроза голой жизни, пусть даже и в виде всего лишь риска, статистический масштаб которого является лабильным и намеренно неопределенным. Пришло время прояснить смысл и происхождение этого понятия. Для начала необходимо помнить, что человек — это не то, что можно определить раз и навсегда. Скорее это место постоянно обновляющегося исторического решения, которое каждый раз фиксирует границу, отделяющую человека от животного, то, что является человеческим в человеке, от того, что не является человеческим в нем и вне его. Когда Линней искал для своих классификаций признак, отличающий человека от приматов, он вынужден был признаться, что не знает его, и в итоге поставил рядом с родовым именем *Ното* только старую философскую поговорку: *nosce te ipsum*, то есть «познай самого себя». Таково значение термина *sapiens*, который Линней добавил в десятом издании своей «Системы природы»⁶²: человек — это животное, которое должно признать себя человеком, чтобы быть таковым, и поэтому должно разделить, принять решение, как человеческое отличается

от нечеловеческого. Механизм, с помощью которого исторически реализуется это решение, можно назвать антропологической машиной. Машина работает, исключая животный мир из человека и производя человека через это исключение. Но для того, чтобы машина функционировала, необходимо, чтобы исключение было также и включением, чтобы между двумя полюсами — животным и человеком — существовало сочленение и порог, который одновременно разделяет и соединяет их. Это сочленение — голая жизнь, то есть жизнь, которая не является ни подлинно животной, ни подлинно человеческой, но в которой каждый раз принимается решение между тем, что считать человеческим и что — нечеловеческим. Этот порог, который обязательно проходит внутри человека, отделяя биологическую жизнь от социальной, является абстракцией и виртуальностью, но абстракцией, которая становится реальной, воплощаясь каждый раз в конкретных и политически обусловленных исторических фигурах: раб, варвар, homo sacer, которого в древности любой мог убить, не совершая преступления, дитя-дикарь, человек-волк и *Homo alalus* как недостающее звено между обезьяной и человеком между эпохой Просвещения и XIX веком; гражданин при чрезвычайном положении, еврей в лагере, коматозник в реанимации и законсервированное для извлечения органов тело в XX веке.

Какова сегодня фигура «голой жизни» во время борьбы с пандемией? Речь идет не столько о больном человеке, которого изолируют и лечат так, как не лечили ни одного пациента за всю историю медицины. Речь идет скорее о зараженном человеке, или, как говорится в противоречивой формуле, о «бессимптомном больном», то есть о том, чем

практически является каждый человек, даже не подозревая об этом. Речь идет не столько о здоровье, сколько о жизни, которая не является ни здоровой, ни больной, которая как таковая в силу своей потенциальной патогенности может быть лишена свободы и подвергнута всевозможным запретам и мерам контроля. Все люди в этом смысле практически бессимптомные больные. Единственная идентичность этой жизни, колеблющаяся между болезнью и здоровьем, — это идентичность получателя тампона и вакцины, которые, как и крещение в новую религию, определяют перевернутую фигуру того, что когда-то называлось гражданством. Крещение больше не является необратимым, теперь оно является с необходимостью временным и возобновляемым, потому что новый гражданин, который всегда должен будет предъявлять свидетельство о вакцинации, больше не имеет неотъемлемых и неоспоримых прав — он имеет только обязательства, которые должны непрерывно соблюдаться и обновляться.

27. Лицо и смерть

Neue Zürcher Zeitung, 30 апреля 2021 г.

Похоже, что в формирующемся новом глобальном порядке двум, казалось бы, не связанным между собой вещам суждено полностью устраниться — лицу и смерти. Мы попытаемся выяснить, не связаны ли они каким-то образом между собой и в чем смысл их устранения.

То, что видеть собственное лицо и лица других людей является решающим опытом для человека, было известно уже древним: «...то, что называют выражением лица, — пишет Цицерон, — из всех живых существ возможно только у человека...»⁶³ А греки называли раба, который не является хозяином самого себя, *arproson*, буквально «безликий». Конечно, все живые существа показываются друг другу и общаются друг с другом, но только для человека лицо является местом признания и своей истины, человек — это животное, которое узнает свое лицо в зеркале, отражается в нем и узнает себя в лице другого. В этом смысле лицо — это и *similitas*, сходство, и *simultas*, совместное пребывание людей. Человек без лица с необходимостью одинок.

Поэтому лицо — это место политики. Если бы людям приходилось только передавать друг другу всегда ту или иную информацию, то никогда не было бы настоящей политики, а только обмен сообщениями. Но поскольку люди должны прежде всего сообщать о своей открытости, о том, что они узнают друг друга в лицо, то лицо — это само условие политики, основа всего, что говорят и чем обмениваются люди.

В этом смысле лицо является истинным местом человека, как таковым политическим элементом. Именно глядя

на лица друг друга, люди узнают себя и интересуются друг другом, воспринимая сходство и разнообразие, расстояние и близость. Если нет политики в отношении животных, то это потому, что животные, которые всегда на виду, не делают свою открытость проблемой, они просто живут в ней, не заботясь об этом. Именно поэтому их не интересуют зеркала, образ как образ. Человек, с другой стороны, хочет узнать себя и быть узнанным, он хочет присвоить себе свой собственный образ, он ищет в нем свою собственную истину. Таким образом, он превращает животную среду в мир, в поле непрекращающейся политической диалектики.

Страна, которая решает отказаться от собственного лица, повсеместно закрывая лица своих граждан масками, является, таким образом, страной, которая стерла из себя любое политическое измерение. В этом пустом пространстве, постоянно подверженном неограниченному контролю, теперь перемещаются изолированные друг от друга люди, которые потеряли непосредственную чувственную основу своего общежития и могут обмениваться сообщениями, направленными только на безликое имя. А поскольку человек — животное политическое, исчезновение политики означает и исчезновение жизни: новорожденный, который больше не увидит лица своей матери, рискует больше не иметь возможности испытать человеческие чувства.

Не менее важными, чем отношения с лицом, для людей являются отношения с мертвыми. Человек, животное, которое узнает себя в собственном лице, также является единственным животным, которое отправляет культ мертвых. Поэтому неудивительно, что у мертвых тоже есть лицо и что стирание лица идет рука об руку со стиранием смерти. В Риме

мертвые участвуют в мире живых через свое имаго — образ, вылепленный или нарисованный на воске, который каждая семья хранила в атриуме своего дома. Свободный человек определяется, таким образом, не только участием в политической жизни города, но и своим *ius imaginum*, неотъемлемым правом хранить лицо своих предков и публично демонстрировать его на общинных праздниках. «...После погребения с подобающими почестями римляне, — пишет Полибий, — выставляют изображение покойника, заключенное в небольшой деревянный киот в его доме на самом видном месте. Изображение представляет собою маску, точно воспроизводящую цвет кожи и черты лица покойника»⁶⁴. Эти изображения были не только предметом частной памяти, но и осязаемым знаком союза и солидарности между живыми и мертвыми, между прошлым и настоящим, что было неотъемлемой частью жизни города. Именно поэтому они играли такую важную роль в общественной жизни, что можно сказать, что право на изображения мертвых — это лаборатория, в которой заложено право живых. Это настолько важно, что тот, кто был виновен в тяжком государственном преступлении, терял право на изображение. А легенда гласит, что, когда Ромул основал Рим, он вырыл яму (она называлась *tundus*, «мир»), в которую он и каждый из его спутников бросили по горсти земли. Эту яму открывали три раза в год, и говорили, что в эти дни мертвые приходили в город и принимали участие в жизни живых. Мир — это лишь порог, через который общаются живые и мертвые, прошлое и настоящее.

Теперь становится ясно, почему мир без лиц может быть только миром без мертвых. Если живые теряют свои лица,

то мертвые становятся просто цифрами, которые, поскольку они были сведены к своей чистой биологической жизни, должны умереть в одиночестве и без похорон. И если лицо — это место, где прежде всякой речи мы общаемся с себе подобными, то даже живые, лишённые связи с лицом, как бы они ни старались общаться с помощью цифровых устройств, непоправимо одиноки.

Глобальный проект, который пытаются навязать власти, является, таким образом, радикально неполитичным. Напротив, он предлагает устранить все подлинно политические элементы из человеческого существования, чтобы заменить их управлением, основанным исключительно на алгоритмическом контроле. Стирание лица, удаление мертвых и социальное дистанцирование — вот основные инструменты этой государственности, которая, согласно заявлениям власть имущих, должна сохраняться даже после ослабления санитарного террора. Но общество без лица, без прошлого и без физического контакта — это общество призраков, и как таковое оно рано или поздно обречено на разрушение.

28. Граждане второго сорта

16 июля 2021 г.

В случае установления деспотического чрезвычайного положения и приостановления конституционных прав результатом, как и в случае с евреями при фашизме, является дискриминация категории людей, которые автоматически становятся гражданами второго сорта. Именно с этой целью был создан так называемый green pass. О том, что это дискриминация на основе личных убеждений а не объективной научной информации, свидетельствует тот факт, что в научных кругах до сих пор ведутся дебаты о безопасности и эффективности вакцин, которые, по мнению врачей и ученых (а его нет причин игнорировать), были произведены в спешке и без надлежащего тестирования. Несмотря на это, те, кто свободно придерживается обоснованного убеждения и отказывается от вакцинации, будут исключены из общественной жизни. О том, что вакцина превращается в своего рода политико-религиозный символ, предназначенный для дискриминации граждан, свидетельствует безответственное заявление одного из политиков, который, говоря о тех, кто не делает прививки, сказал, не понимая, что использует фашистский жаргон: «Мы зачистим их посредством green pass». «Зеленый пропуск» превращает тех, у кого его нет, в виртуальных носителей желтой звезды. Это факт, политический вес которого невозможно переоценить. Что становится со страной, в которой создается дискриминируемый класс? Как можно смириться с жизнью рядом с гражданами второго сорта? Потребность в дискриминации стара как само общество,

и формы дискриминации, безусловно, присутствовали даже в нашем так называемом демократическом обществе; но чтобы подобная дискриминация была фактически санкционирована законом — это варварство, которое невозможно принять.

29. Зеленый пропуск

19 июля 2021 г.

В одном из предыдущих текстов мы показали несправедливую дискриминацию класса граждан, исключенных из нормальной социальной жизни, которая вытекает вслед за введением так называемого green pass. Эта дискриминация является неизбежным и заранее продуманным следствием, но не главной целью введения зеленого пропуска, который направлен не на исключенных граждан, а на все население, обладающее зеленым пропуском. Целью властей с его помощью, по сути, является тщательный и безусловный контроль над всяким передвижением граждан, подобный внутреннему паспорту, который каждый должен был иметь, чтобы переехать из одного города в другой при советском режиме. Однако в этом случае контроль будет еще более абсолютным, поскольку он касается любых перемещений гражданина, который должен будет предъявлять green pass на каждом шагу, даже для того чтобы сходить в кино, посетить концерт или посидеть в ресторане. Парадоксально, но незарегистрированный в системе гражданин будет более свободен, чем тот, у кого есть зеленый пропуск, и именно масса граждан с зелеными пропусками должна протестовать и возмущаться, поскольку отныне их будут считать, отслеживать и контролировать в такой степени, какой не было даже при самых тоталитарных режимах. Важно отметить, что Китай объявил, что не отменит систему отслеживания и мониторинга даже после окончания пандемии. Как должно быть очевидно,

при разговорах о green pass речь идет не о здоровье, а о контроле за численностью населения, и рано или поздно даже у тех, кто является сторонником зеленого пропуска, появится шанс это наконец понять.

30. Люди и лемминги

28 июля 2021 г.

Лемминги — мелкие грызуны длиной около 15 см, обитающие в тундре Северной Европы и Азии. Этот вид имеет свойство внезапно образом срываться с места и коллективно мигрировать без видимых причин, что порой заканчивается массовым самоубийством в море. Загадка, которую подобное поведение поставило перед зоологами, настолько необычна, что после некоторых неудовлетворительных попыток дать какое-либо объяснение они предпочли о ней забыть. Но один из самых ясных умов XX века Примо Леви подверг сомнению этот феномен и дал ему убедительную интерпретацию. Тот факт, что миграции вызваны, как предполагают некоторые зоологи, внезапным увеличением численности грызунов, которая достигает 200 особей на гектар, не объясняет, почему они будут и дальше тесниться друг к другу в безумной миграционной гонке: «Ни одно животное не может реагировать на тесноту еще большей теснотой»⁶⁵. Мы считаем само собой разумеющимся, что все живые существа хотят жить; у леммингов эта воля к жизни почему-то не сработала и инстинкт жизни превратился в инстинкт смерти.

Я считаю, что нечто подобное происходит сегодня с другим видом живых существ — тем, который мы называем *Homo sapiens*. С ним творится коллективное самоубийство (как и подобает виду, который заменил язык на инстинкт, а эндосоматические импульсы — на ряд внешних по отношению к телу устройств), искусственно

и с большим трудом, но результат может быть тем же. Человек не может жить, если он не знает причин и смысла своей жизни, которые во все времена принимали форму религии, мифа, политических убеждений, философий и идеалов всех видов. Эти оправдания, похоже, сегодня (по крайней мере, в наиболее богатой и технологизированной части человечества) отпали, и люди, возможно, впервые оказались сведены к чисто биологическому выживанию. Только это может объяснить, почему вместо того, чтобы принять непосредственно факт приятной жизни друг с другом, они сочли необходимым ввести беспощадный санитарный террор, в котором жизнь без каких-либо идеальных оправданий постоянно подвергается угрозе и наказывается болезнью и смертью. И только этим можно объяснить, почему, несмотря на то что производители вакцин заявили о невозможности предсказать долгосрочные последствия их применения, поскольку не удалось соблюсти установленные процедуры, и что тесты на генотоксичность и канцерогенность не будут завершены до октября 2022 года, миллионы людей подверглись беспрецедентной массовой вакцинации. Вполне возможно, хотя ни в коем случае не наверняка, что через несколько лет поведение людей будет похоже на поведение леммингов и что человеческий вид, таким образом, движется к вымиранию.

31. Два имени

28 августа 2021 г.

Два имени, которые следует запомнить: Алессандро Ла Фортецца, Андреа Камперио Чиани. Это два профессора, которые готовы отказаться от преподавания, потому что они отказались получать green pass, рассматривая его как инструмент социальной дискриминации. Вот некоторые из написанных ими слов — из открытого письма первого к своим студентам и из прошения об отставке к ректору университета, где преподает второй.

Дорогие юноши и девушки,

В июне мы сказали друг другу «арриведерчи», а сегодня я должен сказать вам, что в сентябре мы в школе можем не увидеться.

<...>

Я приму вакцину, только когда и если буду убежден, что это правильно, и, конечно, не для того, чтобы пойти в ресторан, на концерт или еще куда-нибудь. Даже не для того, чтобы не потерять работу. Давайте вспомним, что «не хлебом единым жив человек» (Мф. 4:4)... <...> Даже если завтра я решу сделать прививку или если я почувствую, что нужно сделать ПЦР-тест, я не буду скачивать green pass, чтобы мой индивидуальный выбор, каким бы он ни был, не стал причиной дискриминации тех, кто сделал выбор другой⁶⁶.

*Коллеге Ректору,
...Я, нижеподписавшийся Андреа Камперо Чиани, профессор свободного Падуанского университета, узнав из ректорского указа об обязательном наличии green pass для чтения лекций, официально заявляю вам и для информации министру университетов Марии Кристине Мессе и министру здравоохранения Роберто Сперанце, что я буду иметь честь и достоинство сдать вам свой green pass...⁶⁷*

Таковы два примера, которые, если бы им последовали другие преподаватели, лишили бы всякой ценности позорный указ правительства, которое дискриминирует как граждан второго сорта тех, кто отказывается от green pass, и в то же время специальным указом № 44/2021, теперь принявшим форму закона, освобождается от какой бы то ни было ответственности в случае смерти или повреждений, вызванных вакцинацией. После двух лет чрезвычайного положения и отмены всех базовых свобод настало время для преподавателей и студентов вновь обрести политическое сознание, которое, кажется, исчезло из школ и университетов.

32. Сообщество в обществе

17 сентября 2021 г.

Италия, как политическая лаборатория Запада, где господствующие державы заранее отработывают свои стратегии в их крайней форме, сегодня является страной, находящейся в состоянии антропологического и политического краха. Здесь беспринципная тирания, подмявшая под себя все, вступила в союз с массой, находящейся в тисках псевдорелигиозного террора, готовой пожертвовать не только тем, что когда-то называлось конституционными свободами, но даже всем теплом человеческих отношений. Наивно полагать, что green pass означает возвращение к нормальной жизни. Подобно тому как вводится уже третья вакцина, будут вводиться новые, снова объявляться чрезвычайное положение и красные зоны до тех пор, пока правительство и власть предрержащие будут считать это полезным. И именно те, кто неразумно послушался, заплатят за это. В этих условиях, не бросая всевозможные инструменты для непосредственного сопротивления, диссидентам необходимо подумать о создании чего-то вроде общества внутри общества, сообщества друзей и соседей внутри общества вражды и дистанции. О формах этой новой конспирации, которая должна стать максимально автономной от институтов, придется размышлять, над ними придется экспериментировать время от времени, но только они могут гарантировать выживание человека в мире, который посвятил себя более или менее сознательному самоуничтожению.

33. Выступление в Сенате

7 октября 2021 г.

Я остановлюсь только на двух моментах, на которые хотел бы обратить внимание парламентариев, коим предстоит голосовать за преобразование постановления правительства в статус закона. Во-первых, это очевидное — я подчеркиваю, очевидное — противоречие в рассматриваемом законопроекте, согласно которому правительство специальным постановлением под названием «Криминальный щит» № 44 от 2021 года, ныне обращаемым в закон, освободило себя от какой бы то ни было ответственности за возможное причинение вреда в результате вакцинации. О серьезности подобного вреда можно судить по тому, что в статье 3 постановления прямо упоминаются статьи 589 и 590 Уголовного кодекса, в которых говорится о непредумышленном убийстве и причинении тяжкого вреда здоровью.

Как отмечают авторитетные юристы, государство не чувствует себя в состоянии взять на себя ответственность за вакцину, которая не прошла экспериментальную фазу, и в то же время оно пытается любыми способами заставить граждан делать прививки, в противном случае исключая их из общественной жизни, а теперь, после принятия нового закона, за который вас призывают голосовать, даже лишая их права на труд.

Можно ли представить себе более ненормальную с правовой и моральной точки зрения ситуацию? Как может государство обвинять тех, кто решил не делать прививки, в безответственности, когда это же государство сначала формально снимает с себя всякую ответственность за риск серьезных последствий вакцинации — в контексте

упоминания статей 589 и 590 Уголовного кодекса?

Я хотел бы, чтобы парламентарии задумались над этим противоречием, которое юридически, на мой взгляд, является по-настоящему чудовищным.

Второй момент, на который я хотел бы обратить ваше внимание, касается не медицинской проблемы вакцины, а политической проблемы зеленых пропусков, которые не следует путать одну с другой (раньше мы кололись разными видами вакцин, и при этом нам не нужно было предъявлять на каждом шагу сертификат). Как ученые, так и медики утверждают, что зеленый пропуск сам по себе не имеет медицинского значения, а служит для того, чтобы заставить людей прививаться. Однако я считаю, что можно и нужно говорить и об обратном, а именно что вакцина на самом деле является средством принуждения людей получать зеленые пропуска, то есть средство, которое в беспрецедентной степени позволяет контролировать и отслеживать их передвижения.

Политологам давно известно, что наше общество перешло от того, что раньше называлось дисциплинарным обществом, к «обществу контроля», основанному на практически неограниченном цифровом контроле индивидуального поведения, которое, таким образом, становится количественно измеримым за счет алгоритмов. Сейчас мы привыкаем к этим контролирующим устройствам, но насколько мы согласны с тем, чтобы нас так контролировали? Возможно ли, что граждане якобы демократического общества находятся в худшем положении, чем граждане сталинского Советского Союза? Вы знаете, что советские граждане должны были предъявлять паспорт, чтобы переехать из одной части страны в другую; мы уже должны предъявлять зеленый

пропуск, чтобы пойти в кино или в ресторан, а теперь, что куда более серьезно, чтобы выйти на работу. И как можно согласиться с тем, что впервые в истории Италии после фашистских законов 1938 года о неарийских гражданах создаются граждане второго сорта, которые подвергаются ограничениям, которые со строгой юридической — я подчеркиваю, юридической — точки зрения ни в чем не уступают тем, которые были установлены этими зловещими законами?

Все говорит о том, что эти постановления, которые следуют одно за другим, как будто продиктованные одним человеком, являются частью процесса трансформации институтов и в целом парадигмы власти, который тем более коварен, что, как и в случае с фашизмом, он осуществляется без внесения изменений в текст конституции. Таким образом, постепенно разрушается и отменяется модель парламентской демократии, с ее конституционными правами и гарантиями, а на смену ей приходит парадигма правления, в которой во имя биобезопасности и контроля индивидуальные свободы обречены на все большие ограничения.

Исключительное внимание к инфекциям и здоровью мешает нам увидеть Великую трансформацию, которая творится в политической сфере, и осознать, что, как сами власти не устают напоминать нам, безопасность и чрезвычайное положение не являются явлениями временными, а представляют собой новую форму государственности.

Учитывая это, как никогда необходимо, чтобы парламентарии очень внимательно рассмотрели текущие изменения,

которые в долгосрочной перспективе приведут к тому, что парламент лишится своих полномочий, сведя их, как это происходит сейчас, к утверждению постановлений во имя биобезопасности, которые исходят от организаций и лиц, имеющих очень мало общего с парламентом.

34. Выступление на студенческой конференции против green pass в Ca' Sagredo, Венеция

11 ноября 2021 г.

Для начала я хотел бы остановиться на нескольких моментах, которые я уже попытался изложить несколько дней назад, чтобы постараться определить скрытую, но не менее радикальную трансформацию, происходящую на наших глазах. Я считаю, что прежде всего мы должны осознать, что правовой и политический порядок, в котором мы, как думали, живем, полностью изменился. Оператором этой трансформации, очевидно, стала та зона безразличия между законом и политикой, которой является чрезвычайное положение.

Почти двадцать лет назад в книге, в которой я попытался изложить теорию чрезвычайного положения ⁶⁸, я отметил, что чрезвычайное положение становится нормальной системой правления. Как известно, чрезвычайное положение — это пространство приостановления действия закона, следовательно, пространство аномии, которое, однако, претендует на включение в правовую систему.

Но давайте более подробно рассмотрим, что происходит при чрезвычайном положении. С технической точки зрения существует разделение силы закона и закона в формальном смысле. Чрезвычайное положение определяет такое «состояние закона», при котором, с одной стороны, закон теоретически существует, но не имеет силы, не применяется, приостановлен, а с другой стороны, меры, не имеющие силы закона, приобретают силу закона. Можно сказать, что в пределе то, о чем идет речь при чрезвычайном положении, — это колеблющаяся сила закона вне закона. Как бы ни

определять эту ситуацию — считать ли чрезвычайное положение внутренним делом или квалифицировать его как внешнее по отношению к правовому порядку, в любом случае это приводит к своего рода затмению закона, при котором, как при астрономическом затмении, он остается, но больше не излучает свой свет.

Первое следствие — это утрата основополагающего принципа правовой определенности. Если государство, вместо того чтобы регулировать какое-либо явление, вмешивается благодаря чрезвычайному положению в это явление каждые пятнадцать дней или каждый месяц, это явление больше не отвечает принципу законности, поскольку принцип законности заключается в том, что государство предоставляет закон, а граждане доверяют этому закону и его незыблемости.

Подобная отмена правовой определенности — первый факт, на который я хотел бы обратить ваше внимание, поскольку он подразумевает радикальное изменение не только наших отношений с правовым порядком, но и самого образа жизни, поскольку мы живем в состоянии нормализованной незаконности.

Парадигма закона заменяется парадигмой расплывчатых оговорок и формул, таких как «состояние крайней необходимости», «безопасность», «общественный порядок», которые, будучи сами по себе неопределенными, требуют чьего-то вмешательства для их определения. Мы больше не имеем дело с законом или конституцией, теперь мы имеем дело с колеблющейся силой закона, который может быть принят, как мы видим сегодня, комиссиями и отдельными лицами, врачами или экспертами, которые совершенно чужды правовой системе.

Я считаю, что мы имеем дело с разновидностью так называемого двойного государства (так Эрнст Френкель в книге 1941 года, которую следует перечитать, пытался объяснить нацистское государство), которое технически является государством, но в котором чрезвычайное положение никогда не отменялось. Двойное государство — это государство, в котором нормативное государство (Normenstaat) сосуществует с дискреционным государством (Massnahmestaat, «государством мер»), а управление людьми и вещами — это результат их двусмысленного сотрудничества. В этом плане показательна фраза Френкеля: «Для своего спасения немецкий капитализм нуждался не в унитарном, а в двойном государстве, произвольном в политическом измерении и рациональном в экономическом»⁶⁹.

Именно в традиции этого двойного государства мы должны обнаружить явление, значение которого нельзя недооценивать и которое касается изменения самой формы государства, происходящего на наших глазах. Я имею в виду то, что американские политологи называют административным государством, которое нашло свое теоретическое обоснование в свежей книге Санстейна и Вермюле ⁷⁰. Это модель государства, в которой управление, отправление власти, выходит за рамки традиционного распределения полномочий (разделения на законодательную, исполнительную и судебную власть), а органы, не предусмотренные конституцией, осуществляют во имя управления и по своему усмотрению функции и полномочия, принадлежавшие трем конституционно компетентным субъектам. Это своего рода чисто административный левиафан, который должен действовать в интересах общества, даже преступая ограничения закона

и конституции, чтобы обеспечить и направить не свободный выбор граждан, а то, что авторы называют навигабельностью — то есть в действительности управляемостью — их выбора. Именно это и происходит сегодня, когда мы видим, что полномочия по принятию решений осуществляются комиссиями и отдельными лицами (врачами, экономистами и экспертами), которые полностью выходят за рамки конституционных полномочий.

Фактически посредством этих процедур конституция изменяется гораздо более существенным образом, чем посредством полномочий по ее пересмотру, предусмотренных законодателем, пока она не становится, как говорил один из учеников Маркса, *Papier Stück*, просто листком бумаги. И, конечно, важно, что эти преобразования смоделированы на основе двойной структуры нацистского управления и что, возможно, само понятие управления, политики как «кибернетики» или искусства управления должно быть поставлено под сомнение.

Говорят, что современное государство живет за счет предоставления прав, которые оно не может гарантировать. Возможно, что ситуация, которую я попытался вам описать, является формой, в которой отсутствие гарантий достигло критической массы, и что современное государство, отказавшись, как это очевидно сегодня, от гарантий своих прав, достигло конца своей истории, и именно этот конец мы, возможно, переживаем.

Я считаю, что любое обсуждение относительно того, что мы можем или должны сегодня делать, должно начинаться с наблюдения того факта, что цивилизация, в которой мы живем, уже рухнула (или лучше сказать, учитывая, что данное

общество основано на финансах, обанкротилась). То, что наша культура находится на грани всеобщего банкротства, было очевидно на протяжении десятилетий, и самые ясные умы XX века безоговорочно ставили этот диагноз. Я не могу не вспомнить, насколько решительно и с каким ужасом Пазолини и Эльза Моранте в те самые 1960-е годы, которые сейчас кажутся намного лучше нынешних, осуждали растущую кругом бесчеловечность и варварство. Сегодня мы имеем опыт — конечно, не очень приятный, но, возможно, более точный, чем предыдущие, — того, что мы уже не на пороге, а внутри этого интеллектуального, этического, религиозного, правового, политического и экономического банкротства, в той крайней форме, которую оно приняло: чрезвычайное положение вместо закона, информация вместо истины, здоровье вместо спасения и медицина вместо религии, технология вместо политики.

Что делать в такой ситуации? На индивидуальном уровне, конечно, продолжать, насколько это возможно, делать то, что пытались делать хорошо, даже если кажется, что для этого больше нет причин. Однако я не считаю, что этого достаточно. Ханна Арендт в своих размышлениях, которые настолько близки нам, что мы не можем этого не почувствовать, поскольку они названы «О человечности в темные времена», поставила вопрос: «...в какой степени мы остаемся обязанными миру и публичной сфере, даже если мы были изгнаны из них (так случилось с евреями в ее время. — Дж. А.) или были вынуждены уйти из них (как те, кто выбрал то, что в нацистской Германии парадоксально называлось внутренней эмиграцией. — Дж. А.)»⁷¹.

Я полагаю, сегодня важно не забывать, что если мы оказались

в подобном положении, то это потому, что нас заставили, и что, следовательно, это выбор, который остается политическим в любом случае, даже если кажется, что он находится вне нашего мира. Арендт указала на дружбу как на возможную основу для политики в темные времена. Я думаю, что это хорошая идея, если помнить, что дружба, то есть факт ощущения инаковости в самом опыте нашего существования, — это своего рода политический минимум, порог, который одновременно объединяет и разделяет индивида и общество. Это при условии, что мы помним, что это не что иное, как попытка создать общество или сообщество внутри общества. Другими словами, перед лицом растущей деполитизации индивидов, найти в дружбе радикальный принцип обновленной политизации.

Мне кажется, что вы, студенты, уже начали это делать, создав свою ассоциацию. Но вы должны расширять этот опыт все больше и больше, потому что от этого будет зависеть сама возможность жить по-человечески.

В заключение я хотел бы обратиться к студентам, которые находятся здесь и которые пригласили меня выступить сегодня. Я хотел бы напомнить вам о том, что должно лежать в основе всего университетского обучения и о чем в университете не говорят. Прежде чем жить в стране и государстве, человек живет в языке, и я считаю, что, только если мы сможем изучить и понять, как этим жилищем жизни манипулировали и как его трансформировали, мы сможем осознать, как могли произойти те политические и правовые преобразования, которые мы сегодня наблюдаем.

Гипотеза, которую я хочу вам предложить, заключается в том,

что трансформация отношений с языком является условием всех других общественных трансформаций. И если мы не осознаем этого, то только потому, что язык по определению остается скрытым в том, что он называет и дает нам понять. Как однажды сказал один психоаналитик, который также был немного философом, «то, что сказано, остается забытым в том, что подразумевается под тем, что сказано»⁷².

Мы привыкли рассматривать модерн как исторический процесс, начавшийся с промышленной революции в Англии и политической революции во Франции, но мы не спрашиваем себя, какая революция в отношениях людей с языком сделала возможным то, что Поланьи назвал Великой трансформацией⁷³.

Безусловно, важно, что революции, породившие модерн, сопровождались проблематизацией разума (если не предшествовали ей), то есть того, что определяет человека как говорящее животное. Ratio происходит от *geor*, что означает «считать», «исчислять», но также и «говорить» в смысле *rationem reddere*, «отдавать отчет». Мечта о разуме, ставшем богом, совпадает с «рационализацией» языка и опыта языка, который позволяет нам рассчитывать и управлять природой и в то же время жизнью людей во всей ее полноте.

И что есть то, что мы сейчас называем наукой, если не практика языка, которая стремится устранить в говорящем всякий этический, поэтический и философский опыт речи, чтобы превратить язык в нейтральный инструмент для обмена информацией? Если наука никогда не сможет ответить на нашу потребность в счастье, то это потому, что она предполагает в конечном счете не говорящее существо, а биологическое тело, которое как таковое немо.

И как должны были измениться отношения говорящего с его языком, чтобы сама возможность отличить истину от лжи перестала быть возможной, как это происходит сегодня? Если сегодня врачи, юристы и ученые перенимают дискурс, который отказывается от вопросов об истине, то, возможно, потому что, когда им за это не платили, на своем языке они уже не были в состоянии думать, то есть держать ум в напряжении (итальянское *pensare* происходит от *pendere*), а могли только вычислять.

В этическом шедевре XX века, а именно — в книге об Эйхмане⁷⁴, Ханна Арендт отмечает, что Эйхман был совершенно рациональным человеком, но он был неспособен мыслить, то есть прервать поток рассуждений, который господствовал над его сознанием и который он не мог подвергать сомнению, а мог только исполнять как приказ.

Итак, первая задача, которая стоит перед нами, — заново открыть для себя изначальные и почти диалектные, то есть поэтические и мыслительные, отношения с нашим языком. Только таким образом мы сможем выбраться из тупика, в который, похоже, попало человечество и который приведет его к вымиранию — если не физическому, то по крайней мере моральному и политическому. Пора заново открыть мысль как диалект, который невозможно формализовать и отформатировать.

Примечания

1. Coronavirus. Rischio basso, capire condizioni vittime / Nota stampa. Consiglio nazionale delle ricerche, 22.02.2020. cnr.it/it/nota-stampa/n-9233/coronavirus-rischio-basso-capire-condizioni-vittime
2. Там же.
3. DECRETO-LEGGE 23 febbraio 2020, n. 6. Misure urgenti in materia di contenimento e gestione dell'emergenza epidemiologica da COVID-19 (20G00020) / Gazzetta Ufficiale, 23.02.2020. gazzettaufficiale.it/eli/id/2020/02/23/20G00020/sg
4. Мандзони А. Обрученные. az.lib.ru/m/mandzoni_a/text_1827_i_promessi_sposi.shtml
5. Мандзони А. История позорного столба / Мандзони А. Избранное. М.: Художественная литература, 1978.
6. Agamben G. Contagio / Una voce. Rubrica di Giorgio Agamben. Quodlibet, 11.03.2020. quodlibet.it/giorgio-agamben-contagio
7. Канетти Э. Масса и власть. М.: Ad Marginem, 1997.
8. Указ. соч. С. 19.
9. Указ. соч. С. 40.
10. Указ. соч. С. 63–64.
11. Монтень М. Опыты. М. – Л.: Издательство Академии наук СССР, 1954. Кн. 1. С. 110.
12. Coronavirus. Blangiardo (Istat): nel 2019 a marzo 15mila morti per polmoniti varie. Avvenire, 02.04.2020. avvenire.it/attualita/pagine/morti-e-nati-cosa-cambier
13. Агамбен Дж. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Издательство «Европа», 2011.
14. Agamben G. Al di là dei diritti dell'uomo / Agamben G. Mezzi senza fine. Note sulla política. Torino: Bollati Boringhieri, 2008.
15. Арндт Х. Мы, беженцы / Пер. Евгения Монастырского. М.: ГЕФТЕР, 2016. gefter.ru/archive/18962
16. Полань К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2002.
17. Thomas Y. Citoyens et résidents dans les cités de l'Empire romain. Essai sur le droit d'origine. Identité et droit de l'autre. Ed. Laurent Mayali. Berkeley: University of California at Berkeley, 1994. P. 54.
18. Hoche A., Binding K. Die Freigabe der Vernichtung lebensunwerten Lebens. Leipzig: Felix Meiner Verlag, 1920.
19. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. С. 136. — *Перевод изменен (прим. пер.)*.
20. Там же.

21. Указ. соч. С. 134.
22. Там же.
23. Указ. соч. С. 136.
24. Там же.
25. Указ. соч. С. 140.
26. Там же.
27. Указ. соч. С. 140–141.
28. Спиноза Б. Сочинения. СПб.: Наука, 1999. Т. 1. С. 349.
29. Хайдеггер М. Указ. соч. С. 141.
30. Там же.
31. Там же.
32. Там же.
33. Указ. соч. С. 142.
34. Там же.
35. Там же.
36. Указ. соч. С. 186.
37. Там же.
38. Там же.
39. Там же.
40. Указ. соч. С. 189
41. Там же.
42. Указ. соч. С. 141.
43. Шмитт К. Политическая теология. М.: КАНОН-пресс-ц, 2000. С. 15.
44. Zagrebelsky G. Non è l'emergenza che mina la democrazia. Il pericolo è l'eccezione / La Repubblica, 28.07.2020. [repubblica.it/cronaca/2020/07/28/news/non_e_l_emergenza_che_mina_la_democrazia_il_pericolo_e_l_eccezione-301116607/](https://www.repubblica.it/cronaca/2020/07/28/news/non_e_l_emergenza_che_mina_la_democrazia_il_pericolo_e_l_eccezione-301116607/)
45. Там же.
46. Там же.
47. Там же.
48. Там же.
49. Там же.
50. Там же.
51. Гомеровы гимны. XXX. К Гее, матери всех / Эллинские поэты. Пер. В. В. Вересаева. М.: Художественная литература, 1963. ancientrome.ru/antlittr/homer/hymn/earth.htm
52. Порфирий. О пещере нимф / Греческая культура в мифах, символах и терминах. Сост. и общ. ред. А. А. Тахо-Годи. СПб.: Алетейя, 1999. С. 589.
53. Гесиод. Теогония (О происхождении богов) / Эллинские поэты VIII–III вв. до н. э. Эпос, элегия, ямбы, мелика. Отв. ред. М. Л. Гаспаров. М.: НИЦ «Ладомир», 1999. С. 31.

54. Гомеровы гимны. V. К Деметре. / Эллинские поэты. Пер. В. В. Вересаева. М.: Художественная литература, 1963.
55. Там же.
56. Lovelock J. E. Gaia, a New Look at Life on Earth. Oxford University Press, 1979.
57. Lovelock, J. E., Margulis L. Atmospheric homeostasis by and for the biosphere: the gaia hypothesis / Tellus, 1974. Vol. 26. Issue 1–2. P. 2–10.
58. Op. cit. P. 4.
59. Colli. Il contatto metafisico / l'arte dei pazzi. lartedeipazzi.blog/2019/02/25/colli-il-contatto-metafisico/
60. Аристотель. Сочинения. М.: Мысль, 1975. Т. 1. С. 420.
61. Моранте Э. La Storia. История. Скандал, который длится уже десять тысяч лет. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 2005.
62. Caroli Linnæi. Systema naturæ per regna tria naturæ, secundum classes, ordines, genera, species, cum characteribus, differentiis, synonymis, locis. Editio decima, reformata. Holmiæ: Impensis Direct. Laurentii Salvii, 1758.
63. Марк Туллий Цицерон. О законах. Кн. I, 27 / Марк Туллий Цицерон. Диалоги. Пер. В. О. Горенштейна. М.: Научно-издательский центр «Ладомир» — «Наука», 1994. ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1414880001#027
64. Полибий. Всеобщая история / Пер. Ф. Г. Мищенко. М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2004. С. 388.
65. Levi P. Vizio di forma. Einaudi, 1971. P. 5.
66. См. полный текст письма: lascuolacheaccoglie.org/2021/08/lettera-aperta-ai-miei-studenti.html
67. См. полный текст прошения: cataniacreativa.it/lettera-del-prof-andrea-camperio-ciani-ordinario-alluniversita-di-padova-al-rettore-ed-ai-ministri-speranza-e-messa
68. Агамбен Дж. Homo sacer. Чрезвычайное положение. М.: Издательство «Европа», 2011.
69. Fraenkel E. The Dual State: A Contribution to the Theory of Dictatorship. Oxford University Press, 1941. P. 153.
70. Sunstein C. R., Vermeule A. Law and Leviathan: Redeeming the Administrative State. Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press, 2020.
71. Арендт Х. О человечности в темные времена: мысли о Лессинге / Арендт Х. Люди в темные времена. М.: Московская школа политических исследований, 2003.
72. Lacan J. Lecture de L'etourdit. Paris: L'Harmattan, 2002.
73. Поланы К. Указ. соч.
74. Арендт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. М.: Европа, 2008.

Джорджо Агамбен

**Куда мы пришли?
Эпидемия как политика**

Редактор Станислав Иванов

Верстка и обложка Анастасия Шелепова

Корректор Полина Компанейцева

По вопросам распространения: ivanov.stani@yandex.ru

Независимое издательство «Ноократия»

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии «Печатное дело». 142300, Московская область, г. Чехов, улица Полиграфистов, дом 1.